

КАРТА ЗАВТРАШНЕГО КНЯЖЕСТВА

ЛЕЯ МИРСКАЯ

Лея Мирская

Карта завтрашнего княжества

«Автор»

2026

Мирская Л.

Карта завтрашнего княжества / Л. Мирская — «Автор», 2026

Картограф Астен Ладожин умеет наносить на карту земли, которые могут появиться через семь лет. Но однажды с готового листа исчезает целая долина, а люди начинают забывать её дороги, дома и собственные имена. Пока княжеская служба объявляет белое место бесхозным, старшая сестра Астена продаёт право первой описи будущей области, чтобы спасти семейный дом от долгов. Сделка держится на заклинании согласованного молчания: всякий, кто остаётся единственным хранителем правды, рискует потерять имя. Чтобы вернуть Алкову, Астена придётся отказаться от удобной единой карты и собрать свидетельства людей, которые видят землю по-разному. Это история о будущем, которое нельзя присвоить заранее, о семейной вине без простого виновника и о праве каждого человека отвечать только за свой выбор. Ведь карта может показать возможную дорогу — но не должна решать, кому по ней идти.

© Мирская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Белое место на готовой карте	6
Глава 2. Земля завтрашнего дня	14
Глава 3. Сестра продаёт будущее	25
Глава 4. Имя, которого нет в списке	38
Глава 5. Молчание за серебро	49
Глава 6. Первая дорога в никуда	61
Глава 7. Карта лжёт одинаково	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Лея Мирская

Карта завтрашнего княжества

От автора

Карта кажется обещанием точности. На ней есть берега, дороги, границы и названия, поэтому легко забыть: прежде линии кто-то увидел, измерил, выбрал и убедил других считать верными.

Эта история — о земле, которой ещё нет, и о людях, уже готовых ею владеть. О молчании, способном защищать удобный порядок, пока не стирается сама возможность назвать потерю. И о правде, которая становится надёжнее не от громкости одного голоса, а от множества самостоятельных свидетельств.

Здесь будущее не предсказано заранее. Оно остаётся картой, которую можно исправить поступком.

Глава 1. Белое место на готовой карте

Карта была закончена вчера вечером, а утром на ней появилась дыра.

Астен заметил её не сразу. Он открыл ставни, впустил в чертёжную холодный октябрьский свет и, не снимая дорожного плаща, прошёл вдоль большого стола. На нём под прижимными камнями лежал восточный лист княжества: четыре локтя выделанной телячьей кожи, семь месяцев работы, сорок две полевые записи и столько исправлений, что старый слой туши проступал снизу серыми тенями. Вчера между рекой Ветлой и Каменным кряжем шли три тонкие дороги. Сегодня там белело место величиной с ладонь.

Не пятно. Не соскоб. Кожа была цела, ворс лежал ровно, и даже косой свет не находил следа ножа. Просто река обрывалась у белого края, а потом продолжалась в двух вершках от него, словно вода ныряла под землю. Точки высот стояли полукругом и не смыкались. Дорога из Гривен тянулась на восток, доходила до пустоты и начиналась снова уже возле кряжа.

Астен поставил локоть на стол и долго смотрел на дыру.

Он помнил эту долину.

Память пришла не названием и не видом. Сначала заболело левое колено — старый след от падения на мокрой осыпи. Потом во рту появился вкус медной воды. Затем пальцы сами разошлись на ширину переправы, которую он мерил шагами, пока проводник держал верёвку. Там было сорок восемь шагов от плоского камня до ивы с раздвоенным стволом. Или сорок девять. Он мог спорить о числе, мог проверить журнал, но не сомневался, что переходил реку именно здесь.

Как называлась долина, Астен не помнил.

Он снял плащ, аккуратно повесил его на спинку стула и только тогда позволил себе выругаться.

В соседнем помещении скрипнул табурет.

— Уже нашли? — спросил чертёжник Лем, не показываясь в двери.

Астен выпрямился.

— Что именно?

После короткой паузы Лем появился на пороге с кружкой настоя. Ему было двадцать пять, но сутулился он как старый переписчик: много лет работал над мелкими надписями и всё время старался приблизить глаза к бумаге. На правом рукаве темнела свежая тушь.

— Ничего. Я спросил, нашли ли вы вчерашнюю ведомость. Мирела Степановна велела отдать её до полудня.

Он посмотрел на карту. Взгляд скользнул по белому месту без остановки.

— Подойди, — сказал Астен.

Лем послушался, хотя кружку поставил далеко от стола. В палате Ладожиных за пролитый настой удерживали из жалованья стоимость листа, а этот лист стоил больше его годового заработка.

— Что здесь?

Астен указал не на саму пустоту, а на дорогу перед ней.

— Гривенский тракт.

— Куда он ведёт?

— К заставе у Каменного кряжа.

— Как?

Лем нахмурился. Он провёл пальцем над кожей, не касаясь её, дошёл до белого места и перескочил через него.

— Через... — начал он и замолчал. — По прямой, должно быть.

— Там две реки.

- Одна. Ветла.
- Ветла здесь.
- Тогда приток.
- Какой?

Лем снова посмотрел на карту. Теперь пустота удержала его взгляд. Молодой чертёжник моргнул, будто в глаза попала пыль, и отвёл голову.

— Вы сами вчера сводили лист, Астен Степанович. Если оставили место, значит, не хватило наблюдений.

Это звучало разумно. Именно так Астен объяснял ученикам белые места: лучше честная пустота, чем уверенная ложь. Но дорога не могла прыгнуть на два вершка. Река не могла исчезнуть и вернуться. Ни один обученный картограф не оставил бы края линий такими. Он либо довёл бы их до рамки неизвестного участка, либо поставил знак сомнения.

- Принеси вчерашнюю копию.
- Княжескую?
- Любую до чистового сведения.

Лем ушёл с заметным облегчением. Астен вынул из ящика лупу в медной оправе. Под увеличительным стеклом кожа выглядела полем бледных волокон. По краю пустоты не было ни царапин, ни капель растворителя. Зато одна странность обнаружилась у самой дороги: крошечный штрих верстовой отметки остался без числа. Надпись исчезла, а точка пера сохранилась.

Астен коснулся её ногтем.

В груди стало тесно.

Вчера он поставил там число. Рука помнила поворот пера. Двадцать семь? Тридцать семь? Перед глазами на миг возникла придорожная часовня с крышей из осинового щепы, но тут же рассыпалась на отдельные вещи: мокрое дерево, верёвка колокола, белая глина на сапоге. Лица человека у часовни не было. Названия не было. Осталась уверенность, что он останавливался и пил воду.

Лем вернулся с тремя листами. Один оказался счётной ведомостью, второй — старой картой западных уездов, третий — черновым оттиском восточного листа. Молодой человек положил их рядом и виновато сказал:

- Других в шкафу нет.
- На черновом оттиске белело то же место.
- Этот оттиск сделан когда?
- Вчера после обеда.
- Я снял его утром.

— После обеда, — повторил Лем. — Я сушил бумагу у печи. Вы ещё сердились, что край повело.

Астен помнил выгнутый край. Помнил, как прижал его костяной линейкой. За окнами тогда звонили к вечерней службе. Значит, Лем был прав или колокола звонили не в тот час, что само по себе было нелепо.

- Где полевой журнал пятой поездки?
- У вас.
- В нижнем шкафу его нет.
- Тогда в архиве.

Лем ответил слишком быстро. Астен поднял голову. Чертёжник сжал губы и уставился на свою испачканную манжету.

- Ты видел журнал сегодня?
- Нет.
- Вчера?
- Не помню.

— А белое место видел?

— Какое место?

Вопрос вылетел легко, почти искренне. Затем Лем испугался собственных слов. Он протянул руку к карте и тут же убрал её.

— Мне надо закончить перечень красок.

— Ступай.

Лем ушёл, оставив настой. В кружке дрожал свет от окна.

Астен закрыл дверь на щеколду.

Семейная палата занимала второй этаж дома на Медной улице. Когда-то здесь работали двенадцать картографов, шесть чертёжников и два мастера оттисков. Теперь в дальней зале пустовали столы, а медный пресс запускали лишь по большим заказам. Долги не были тайной: поставщик кожи требовал плату за три месяца, хозяин красильни перестал отпускать лазурь без серебра, двоих учеников Мирела распустила в конце лета. Однако архив она берегла. Даже в худшие годы там топили сухими дровами, меняли мешочки с пылью и переплетали журналы, прежде чем нити успевали сгнить.

Потеряться журнал не мог.

Астен взял ключ со связки и спустился на первый этаж. В приёмной уже ждали заказчики: городской староста с помощником, купец в лисьей шапке и молчаливая женщина в серой дорожной куртке. Женщина сидела ближе всех к двери и держала между коленями длинный посох, на котором были вырезаны зарубки разной глубины. Проводница, решил Астен. По сапогам — восточная.

Она посмотрела на него так, будто узнала, но не была уверена, что хочет показывать это при других.

— Мирела у себя? — спросил Астен у привратника.

— С княжеским поверенным.

— Давно?

— С первого колокола.

За дверью кабинета послышался смех Мирелы — низкий, короткий, совершенно не весёлый. Затем заговорил мужчина, слов было не разобрать. Астен не стал стучать. Если сестра принимала княжеского поверенного, она могла продать ему копию карты, работу на год вперёд или последнее семейное серебро, но не терпела, когда её прерывали без пожара.

Архив находился в подвале. Две двери, три замка, решётка на узком окне. Астен зажёл лампу, отодвинул засов и сразу почувствовал запах сухой кожи, воска и пыли. Здесь память должна была храниться лучше, чем в человеческой голове. На полках стояли путешествия его отца, деда и прадеда; землемерные книги; споры о межах; записи половодий; листы с ошибками, которые не выбрасывали, чтобы не повторить.

Полка пятой восточной поездки оказалась пуста.

На дереве остался светлый прямоугольник, куда не легла пыль. Астен провёл по нему пальцем. Журнал вынули недавно.

Он проверил соседние полки. Четвёртая поездка была на месте, шестая тоже. Между ними стояла узкая коробка с биркой, написанной его рукой. На бирке значилось: «Образцы почв. Долина...» Дальше тянулось чистое волокно. Не стёртая надпись — чистое место, будто перо остановилось и продолжать было нечего.

В коробке лежали шесть мешочков. На каждом дата, глубина выемки и знак участка. Названий не было. Астен развязал первый. Рыжая земля пахла железом. Он растёр крупинку между пальцами и увидел низкий берег после дождя, тёмные столбы будущего моста, мальчика, который смеялся над его промокшей шляпой. Видение длилось одно дыхание. Потом мальчик исчез, берег потерял форму, осталось только железо на языке.

Астен затянул шнурок.

На лестнице зашуршало платье.

— Ты опять не снял дорожные сапоги, — сказала Мирела сверху. — Теперь весь дом будет знать, где ты прошёл.

— Иногда это полезно.

Она спустилась, прикрыв за собой дверь. Мирела была выше брата и носила волосы коротко, потому что не любила тратить утро на шпильки. Тёмное платье сидело без складок; на запястье блестела тонкая цепочка с печатью палаты. Астен заметил новую царапину на серебре.

— Поверенный ушёл?

— Подождёт в кабинете. Что ты ищешь?

— Журнал пятой восточной поездки.

— Его нет.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы узнать, откуда ты это знаешь.

Мирела взяла лампу и подняла её выше. Огонь высветил усталые складки у рта. Последние недели она почти не спала. Астен видел это и прежде, но сегодня усталость показалась ему не следствием счетов, а частью решения, уже принятого без него.

— Пятая поездка признана недостоверной, — сказала она. — Журнал изъят до проверки.

— Кем?

— Заказчиком.

— Заказчик не владеет полевыми записями.

— Если оплачивает работу, владеет её результатом.

— Результатом. Не наблюдениями.

— Эту тонкость можно защищать в суде. За наши деньги, которых нет.

Астен вынул коробку с почвой и показал сестре пустую бирку.

— Как называлась долина?

Мирела не посмотрела на бирку.

— Какая долина?

— Между Ветлой и Каменным кряжем.

— Там нагорье.

— Там река, часовня, переправа и по меньшей мере три селения.

— На утверждённой карте их нет.

— Я не спрашиваю про карту.

— А я отвечаю как распорядитель палаты. Всё, чего нет на утверждённой карте, не может быть основанием для нового спора с княжеской канцелярией.

Слова были выстроены безупречно. Мирела умела так говорить с заимодавцами: ни лжи, ни признания, только дверь, в которую невозможно вставить пальцы. Но сейчас её правая рука лежала на цепочке с печатью, и большой палец снова и снова закрывал царапину.

— Кто вынул журнал?

— Я.

— Кому отдала?

— На проверку.

— Кому?

— Астен, не заставляй меня повторять одно и то же.

Лампа тихо потрескивала. В архиве над их головами хранились сто лет чужих споров, и каждый спор имел имена. Даже человек, укравший межевой камень, был записан тремя писарями и назван на суде. Здесь же имя отсутствовало там, где без него не складывалась земля.

— Ты помнишь часовню? — спросил Астен.

Мирела моргнула.

— Какую?

— С осиновой крышей. Ты была там девять лет назад, когда мы ездили с отцом. У колокола порвалась верёвка, и ты связала её поясом. Отец смеялся, что впервые видит, как должник добровольно отдаёт ремень храма.

На мгновение её лицо изменилось. Губы разомкнулись, взгляд ушёл в сторону, словно она увидела человека за плечом брата. Потом всё исчезло.

— Отец не брал меня восточнее Ветлы.

— Брал.

— Нет.

— У тебя остался шрам на ладони. Верёвка обожгла кожу.

Мирела посмотрела на правую ладонь. Белая полоса пересекала её у основания пальцев. Она сжала руку.

— Я порезалась о стекло.

— В нашем доме тогда не было стеклянных окон.

— Хватит.

Она произнесла это негромко, но огонь лампы пригнулся, будто в архив ворвался ветер. На полках зашелестели страницы. Из коробки в руках Астена посыпалась рыжая пыль.

Оба замолчали.

Шелест прекратился.

Астен медленно поставил коробку на полку.

— Ты знала, что нельзя говорить?

— Я сказала: хватит.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который сохранит палату.

— От кого?

Мирела подняла лампу к его лицу.

— От твоего желания доказать линию, даже если под ней провалится дом.

Она повернулась к лестнице. Астен схватил её за локоть, но сразу отпустил. Сестра остановилась на первой ступени.

— Верни журнал, — сказал он.

— Не могу.

— Тогда скажи, кто его взял.

— Не могу.

Дважды одно и то же, но во второй раз голос дрогнул. Не «не хочу». Не «не стану».

— Тебе запретили?

Мирела посмотрела вверх, где за дверью ждал княжеский поверенный.

— До полудня восточный лист должен лежать в тубусе. Печать поставлю я. Ты уедешь из города на несколько дней и не будешь мешать переговорам.

— Куда?

— Куда хочешь. Ты всегда лучше понимал дорогу, чем цену дома.

Она ушла. Замок наверху щёлкнул не сразу: Мирела с первой попытки не попала ключом в скважину.

Астен остался среди полок. Рыжая земля темнела на его пальцах. Он мог подняться, вскрыть кабинет, потребовать журнал при свидетелях. Но если Мирела действительно была связана запретом, шум дал бы ей повод уничтожить остатки. Если же она просто заключила невыгодную сделку, открытая ссора предупредила бы поверенного.

Нужен был независимый след.

Астен взял с полки журнал шестой поездки. Маршрут начинался у Ветлы, огибал неизвестную долину с севера и выходил к Каменному кряжу. На третьей странице стояла запись:

«От старой ивы до северного уступа — одиннадцать вёрст по...» Последнее слово исчезло. Строка продолжалась расчётом времени, будто писавший не заметил пропуска.

Писал Астен.

Он перевернул страницу. Внизу была приклеена полоска тонкой бумаги с показаниями проводницы: погода, состояние тропы, глубина брода. Подпись сохранилась лишь наполовину.

«Тая Ру...»

Женщина в серой куртке ждала наверху.

Астен закрыл журнал, погасил лампу и поднялся. В приёмной стало теснее: пришли два землемера, мальчик с рулоном бумаги и сборщик податей. Проводница сидела на прежнем месте. Когда Астен вышел из подвала, она встала.

Теперь он увидел, что зарубки на её посохе не случайны. Глубокие отмечали дни пути, мелкие — переходы воды, косые — места ночлега. Такой посох был картой, только не для глаза, а для ладони.

— Тая Рубеж? — спросил он.

Женщина крепче сжала посох.

— Да.

— Вы ходили со мной вдоль Ветлы прошлой весной?

— Нет.

Ответ последовал быстро, но большой палец её правой руки лёг на одну из зарубок. Она провела по ней вниз, затем через две мелкие и остановилась на косой.

— А семь лет назад?

— Я вас раньше не видела.

Её рука повторила то же движение.

— Тогда зачем вы пришли?

Тая оглянулась на привратника, на дверь Мирелиного кабинета, на заказчиков. Затем наклонилась ближе.

— Заказать карту дороги домой.

— Куда?

Она открыла рот и не издала ни звука. Не закашлялась, не запнулась — просто не смогла выбрать слово. Лицо её побледнело. Тая ударила концом посоха в пол.

— Я знаю дорогу, — сказала она. — Могу пройти ночью, в тумане, с завязанными глазами. От Ветлы три дня на восток, потом вверх по ручью, мимо двух красных утёсов. Там мост, мельница и дом моей матери. Но когда я утром пришла в управу за дорожным знаком, писарь спросил название. Я не смогла ответить. Он открыл перечень селений. Моего дома там нет.

Астен почувствовал, как снова заныло левое колено.

— А на старых картах?

— Нет. Я проверила четыре. На одной дорога обрывается, на другой идёт прямо через гору. Ваш ученик сказал, вы недавно вернулись с востока.

Лем за соседним столом опустил голову ниже.

— Я вернулся месяц назад.

— Откуда?

Астен хотел сказать. Вспомнил мокрую осыпь, медную воду, сорок восемь шагов до раздвоенной ивы. Вспомнил часовню, хотя уже не был уверен, что крыша была осиновой. Название не пришло.

— Из белого места, — ответил он.

Тая смотрела молча.

— Это шутка картографов?

— Нет.

— Тогда покажите.

Он повёл её наверх. У двери чертёжной Лем попытался что-то сказать, но Астен закрыл щеколду изнутри. Тая подошла к большому столу. Ей не понадобилось объяснять, куда смотреть. Она сразу положила ладонь в центр пустоты.

— Здесь, — сказала она.

— Кожа ничего не показывает.

— Кожа — нет.

Она закрыла глаза и передвинула руку к западному краю белого места. Большой палец отыскал невидимую линию. Ладонь повернулась, будто повторяя изгиб тропы. Затем Тая дошла до середины пустоты и резко отёрнула пальцы.

— Что?

— Холодно.

Астен коснулся карты. Кожа была прохладнее у окна и теплее возле печи, но в середине белого места лежал узкий ледяной след. Он шёл с севера на юг, там, где должна была быть вторая река.

— Вы её помните? — спросил он.

— Ногами. Не головой.

Тая сняла с пояса короткий шнур с узлами и положила рядом с картой. Расстояния между узлами совпали с поворотами исчезнувшей дороги. У третьего узла висела деревянная бусина в форме колеса.

— Мельница?

— Наверное. Мать дала мне этот шнур, когда я впервые ушла одна. Она говорила, что дорогу надо хранить в руках: голову можно заболтать, бумагу сжечь, а пальцы приведут.

— Ваша мать жива?

— Вчера была. — Тая сказала это жёстко. — Сегодня я не могу отправить ей письмо, потому что писарь не принимает адрес без названия.

За стеной хлопнула дверь кабинета. Раздался голос княжеского поверенного:

— К полудню, госпожа Ладожина. После печати исправления невозможны.

Мирела ответила тише. Послышались шаги к лестнице.

Астен развернул поверх готовой карты лист прозрачной рыбьей кожи, закрепил углы грузами и взял угольный карандаш.

— Проведите дорогу.

— Я не рисую.

— Не надо. Ведите пальцем. Я отмечу.

Тая положила руку у Ветлы. Первый поворот она прошла уверенно. Астен поставил точки. На втором её пальцы задрожали; на третьем рука ушла в сторону, к дороге через гору, которой не могло существовать. Тая нахмурилась, вернулась к шнуру, ощупала узлы и исправила путь.

— Одной памяти мало, — сказал Астен.

— У вас есть другая?

— У меня есть тело, шесть мешочков почвы и полстроки из журнала. Этого недостаточно для карты. Но достаточно, чтобы не ставить печать на пустоте.

Он успел провести линию до ледяной реки, когда щеколда дёрнулась.

— Астен, открой, — сказала Мирела.

Тая убрала руку, но не отступила от стола.

— Кто с тобой?

Астен посмотрел на прозрачный лист. Угольная дорога была неровной, местами сомнительной, зато не обрывалась. В центре белого места две независимые памяти — его колено и Тайны пальцы — сошлись у переправы.

— Свидетель, — ответил он.

За дверью стало тихо.

Потом Мирела произнесла почти шёпотом:

— Не называй её так.

Линия под рукой Астена дрогнула. Белое место на готовой карте уже не казалось ошибкой. Ошибку стараются исправить. Эту пустоту охраняли.

Он отложил карандаш и снял восточный лист с прижимных камней.

— Что вы делаете? — спросила Тая.

— Не даю поставить печать.

— И что потом?

Астен свернул дорогую кожу туго, рисунком внутрь. Река, тракт и белая долина исчезли в оборотах тубуса.

— Потом найдём землю, которую все разучились помнить.

Глава 2. Земля завтрашнего дня

Восточный лист не помещался под плащом.

Астен попробовал прижать тубус к боку, но тот доходил ему почти до плеча и бился медными колпачками о дверной косяк. Вынести карту незаметно не удавалось. Оставалось вынести её быстро.

— Чёрная лестница есть? — спросила Тая.

— Есть. Мирела знает, куда она ведёт.

— А поверенный?

— Если он не изучал наш дом перед покупкой, то зря получает жалованье.

Щеколда снова дёрнулась. Мирела больше не просила открыть. За дверью она негромко велела Лему принести запасной ключ, а княжеский поверенный спросил, нельзя ли снять дверь с петель. Он говорил спокойно, словно обсуждал плохо закрывающийся шкаф.

Астен всунул прозрачную рыбью кожу с угольной дорогой в плоскую дорожную папку. Затем отпер узкую дверцу у печи. За ней пахло сажей, мокрым двором и капустой из соседской кухни. Чёрная лестница спускалась вдоль наружной стены к сараю для угля.

— Сначала вы, — сказал он.

Тая перекинула посох за спину и ступила на лестницу. Доски не скрипнули. Она двигалась так, будто каждый дом заранее сообщал ей, где держит слабые ступени.

Астен подал ей тубус, задержав ладонь на медном колпачке.

— Не уроните.

— Вы сейчас больше боитесь за карту или за то, что она показывает?

— За карту. То, что она показывает, уже уронили до нас.

Тая приняла тубус. В этот миг в замке повернулся ключ.

Астен успел захлопнуть дверцу за собой, но запирать её было некогда. Он съехал последние четыре ступени, угодил сапогом в угольную пыль и услышал наверху голос Мирелы:

— Стой!

Не приказ распорядителя. Обычный испуганный окрик сестры.

Он остановился бы, если бы она назвала его по имени.

Мирела не назвала.

Тая уже отодвинула засов на дворовой калитке. За ней шумела Медная улица: телеги ползли к рынку, водовоз ругался с булочником, мальчишки гоняли палкой обруч. Спрятаться с тубусом среди прохожих было невозможно, зато там трудно было отнять карту без свидетелей.

Они вышли на улицу. Астен повернул к Рыбным воротам.

— Куда мы идём?

— В старую мерную башню.

— Она за городом?

— На восточной стене.

— Значит, нас перехватят у ворот.

— Не перехватят. Башней двадцать лет никто не пользуется.

— Кроме вас.

— Именно поэтому Мирела знает, где искать.

Тая передала ему тубус.

— Тогда нам не туда.

Астен едва не возразил. В башне лежали его треноги, мерные цепи, стеклянные пластины и самое важное — семилетник, полевой прибор для сведения вероятных линий. Без него угольная дорога оставалась двумя совпавшими воспоминаниями. Но идти прямо к башне означало привести за собой поверенного.

- Прибор нужен мне сейчас.
- Он большой?
- Два ящика. Один тяжёлый.
- Кто-нибудь кроме вас знает, как он выглядит?
- Любой служащий палаты.

Тая оглянулась. Из дворовой калитки выбежал Лем. Он заметил их, споткнулся, но не окликнул. Следом показался мужчина в тёмно-зелёном кафтане с серебряным шнуром на воротнике. Княжеский поверенный. Он ничего не нёс и не бежал. Только поднял два пальца, и от противоположной стены отделились двое городских стражников.

- Уже идут, — сказала Тая.
- Они не могут задержать меня за мою карту.
- Тогда остановитесь и объясните им.

Астен прибавил шаг.

Улица перед Рыбными воротами сужалась. Слева торговали жестью, справа выставили бочки с солёным окуном. Телеги вставали поперёк мостовой, люди протискивались между колёсами. Тая свернула в проход, который Астен принял за промежуток между лавками. За холщовой занавесью обнаружился двор красильни. Работники поднимали баграми мокрую ткань из чанов; пар пах железом, уксусом и прелой корой.

- Стойте! — крикнул с улицы стражник.

Тая бросила на ближайший чан медяк и сказала красильщику:

- Мы не проходили.
 - За медяк вы прошли, — ответил тот. — За два я не видел куда.
- Она добавила второй.

Красильщик указал багром на ряды мокрых полотнищ. За ними шла калитка в переулок. Астен протиснулся между синими тканями и вышел с тубусом, покрытым лазурными каплями. Плащ тоже пострадал.

- Это была хорошая шерсть, — сказал он.
- Теперь ещё и хорошего цвета.

Они пересекли переулок, прошли через двор гончара и оказались у северной стены, в стороне от ворот. Тая остановилась только под аркой пустого хлебного склада.

- Теперь говорите, где прибор.

Астен прислушался. Погони не было слышно. С башни звонили второй час после рассвета.

- На восточной стене, под крышей. Ключ у меня.
- Окно?
- Есть.
- Куда выходит?
- За стену.
- Значит, пойдём за прибором снаружи.

Он посмотрел на неё внимательнее. Серую куртку на локтях чинили несколько раз, сапоги были дорогими и хорошо подогнанными, а дорожный шнур на поясе потемнел от многих лет. Тая не выглядела человеком, который принимает решения ради впечатления. Если она предлагала лезть на стену снаружи, то уже прикинула выступы.

- До окна восемь саженей.
- Камни ровные?
- Кладка старая. Швы глубокие.
- Верёвка в башне или при вас?

Астен помолчал.

- В башне.

— У картографов всё полезное лежит там, куда они ещё не добрались?

— Мы рассчитываем путь заранее.

— А верёвку — после?

Она сняла с плеча ремень для посоха. Внутри тот оказался прошит тонким, но крепким льняным шнуром. Тая потянула за конец, и ремень распустился в моток длиной с небольшую улицу.

До восточной стены они дошли огородами. Город здесь ещё не успел стать тесным. Между последними домами росла капуста, стояли навесы для сена, по грязным дорожкам ходили гуси. Стена поднималась за канавой, серой и мокрой. Сверху её закрывал туман.

Мерную башню Астен узнал по треснувшему водостоку. Окно чернело выше третьего пояса кладки. Под ним из стены торчали концы старых лесов: строители отпилили балки, но не вынули их из гнёзд.

— Я поднимусь, — сказала Тая.

— Ключ у меня.

— Передадите.

— Я знаю, где не держится камень.

— А я знаю, как поднимаются по стенам.

— Часто ходите домой через окна?

— Когда дорогу домой стирают с карты, учишься не уважать ворота.

Она обвязала шнур вокруг пояса и полезла первой. Посох остался внизу. Тая ставила носок сапога в шов, находила пальцами выбоину, переносила вес и всякий раз коротко дёргала опору, прежде чем довериться ей. На половине высоты она добралась до конца балки, встала на него и велела бросить ключ.

Астен бросил. Ключ ударился о камень, Тая поймала его у самого лица.

— Рассчитали заранее? — спросила она.

— На ветер не поправил.

Через минуту окно открылось. Тая закрепила шнур за внутреннюю скобу, и Астен полез следом, привязав тубус к спине. Стена была холодной, лазурный плащ цеплялся за камень. На середине пути он подумал, что разумный человек отдал бы карту поверенному и пошёл завтракать. Затем снизу донёсся гусиный крик. В огород вошли двое стражников.

Астен полез быстрее.

Тая втянула его за ворот. Они захлопнули ставню и остались в сумрачной круглой комнате. Пахло пылью, старым деревом и маслом. Вдоль стен стояли треноги. С потолочных крюков свисали отвесы. На столе под серым чехлом лежал семилетник.

Снаружи стражник постучал в нижнюю дверь.

— Именем княжеской межевой службы, откройте!

— Это разве не княжеская башня? — шёпотом спросила Тая.

— Городская. Ключ дали палате до пересмотра границ.

— То есть дверь они ломают законно.

— Законность зависит от того, кто потом оплатит петли.

Астен сбросил чехол. Семилетник не был похож на вещь, способную показывать будущее. Деревянная рама на трёх складных ножках, плоская чаша из тёмного стекла, семь медных дуг, каждая с сотней мелких делений. Сбоку крепились зажимы для записей и коробочка с иглами. За пятнадцать лет прибор трижды перестраивали, но никто не придумал для него лучшего имени. Он сводил наблюдения в пределах семи лет — потому и семилетник.

Тая коснулась крайней дуги.

— Это гадальная машина?

— Нет.

— Она показывает то, чего нет.

— Она показывает, что может появиться, если условия не изменятся слишком сильно.

— Разница удобна, когда ошибся.

— Разница удобна, когда не хочешь убить людей своей уверенностью.

Снизу снова ударили в дверь. Дерево загудело.

Астен раскрыл два ящика. В первом лежали стеклянные пластины, тонкие листы слюды, запасные иглы и мерная нить. Во втором — грузила, масляная лампа и латунный круг для направления света. Тащить оба через окно было невозможно.

— Берём раму, три пластины и иглы, — решил он. — Грузы оставим.

— Без них работает?

— Хуже.

— Насколько?

— Настолько, что я не поставлю подпись под результатом.

— А посмотреть дорогу хватит?

— Если получим наблюдения с разных точек.

Тая отстегнула от стены два отвеса.

— Вот ваши грузы.

— Они разного веса.

— Объясните прибору, что за дверью стража.

Астен впервые улыбнулся. Он завернул стеклянную чашу в чехол и уложил её в заплечный короб. Раму связал в плоский свёрток. Тая сунула пластины за пазуху, иглы — в кожаный мешок.

Дверь внизу треснула.

Они спустились по наружной стене. Стражники к тому времени вошли в башню и гремели сапогами на винтовой лестнице. Один заметил верёвку из верхнего окна, высунулся и выругался. Тая уже стояла в огороде. Астен был на высоте двух саженей, когда шнур сверху дёрнули.

— Отпускайте! — крикнула она.

— Тогда шнур останется.

— У меня будет повод вернуться за ним домой.

Астен разжал руки, оттолкнулся от стены и рухнул в капустную грядку. Тая помогла ему подняться. За спиной жалобно звякнуло стекло.

— Если чаша разбилась, — сказал он, ощупывая короб, — мы сейчас вернёмся и сдадимся.

— Почему?

— Чтобы меня повесили прежде, чем я увижу осколки.

Чаша уцелела. Они ушли вдоль канавы, пока стражники решали, кто полезет обратно за шнуром.

За городом начинались поля. Дорога к Ветле шла на восток, но Астен повёл Таю на север, к заброшенному известковому карьёру. Там, в низине между холмами, проходила одна из линий, проявившихся на вчерашнем оттиске и сегодня исчезнувших в белом месте.

— До вашей деревни три дня, — сказал он. — Сейчас мы не дойдём.

— Я не собиралась возвращаться без карты.

— А я не собирался составлять её по одной вашей памяти.

— По двум. Вы тоже там были.

— Два человека, идущие рядом, не всегда два свидетеля. Мы могли увидеть одно и повторить друг за другом. Нужны следы, которые появились без нас.

Он остановился у края карьера. Известняк здесь перестали брать лет десять назад. На дне скопилась вода, склоны заросли молодыми берёзами. Через низину вела узкая пастушья тропа. Ничего похожего на дорогу не было.

Астен установил раму на три ноги. Вместо штатных грузов подвесил снятые в башне отвесы и выровнял чашу. В неё налил воду из фляги. Затем положил под стекло прозрачный лист с Таинной угольной линией.

— Что вы ищете? — спросила она.

— Давление повторяющихся решений.

— Простыми словами.

Астен указал на тропу.

— Один пастух прошёл здесь — остался след. Сто пастухов выбрали тот же склон — появилась тропа. Если купцы, строители и жители снова и снова выбирают одинаковый путь, за несколько лет здесь может появиться дорога. Семилетник помогает увидеть, где разные причины толкают людей в одну сторону.

— А если князь завтра запретит ходить?

— Дороги не будет.

— Если река размочит склон?

— Не будет.

— Если люди решат, что им не нужен ваш город?

— Не будет ни города, ни дороги. Карта не приказывает будущему. Она собирает его привычки.

Тая присела рядом. Сомнение с её лица не исчезло, но стало внимательным.

Астен вынул первую пластину. На ней тонкими линиями были нанесены уклоны местности. Он совместил её с краями прозрачного листа, закрепил в двух зажимах и поставил иглу на западный конец дороги. Игла не двигалась.

— Теперь ваше наблюдение. Только то, что помните руками. Не пытайтесь угадать, что нужно прибору.

Тая положила дорожный шнур возле чаши.

— После Ветлы земля поднимается. Первый день идёшь по камню. На закате спуск к воде. Мелкой, быстрой. Второй день — лесом, но утром солнце всё время справа.

— Осенью или весной?

— Весной.

— Значит, вы шли примерно на северо-восток. Дальше.

— Потом красные утёсы. Между ними проедет одна телега. Колея там была, но старая.

Астен ставил иглы на её линии. Каждая игла отмечала не место, а степень уверенности: одна насечка — смутная память, две — повторённый путь, три — измерение. У красных утёсов Тая настояла на трёх.

— Я тридцать раз проводила там обозы.

— Чьи?

— Соль на восток, шерсть на запад. До прошлого месяца.

— Почему перестали?

— Купцы говорят, что там нет покупателей.

Игла дрогнула. Не от ветра: окна карьера закрывали прибор. Она наклонилась к центру чаши, и по воде разошёлся узкий круг.

Астен поставил рядом вторую пластину — хозяйственные следы. На ней не было карты, только маленькие знаки: число телег на заставах, закупки дерева, заявки на мостовой камень, переселение семей. Эти сведения он собирал перед пятой поездкой.

— Где вы это взяли? — спросила Тая.

— В открытых ведомостях.

— Значит, бумаги ещё помнят мою землю?

— Они помнят действия, но не место. Вот сорок возов соли, которые выехали из города и не прибыли ни на одну известную заставу. Вот заказ на две тысячи дубовых свай, отменённый

без объяснения. Вот подати с тридцати семи дворов, записанные как «восточное уточнение». Названия исчезли. Счёт остался.

— Людей превратили в остаток после сложения.

— Остаток иногда доказывает, что кто-то был.

Он перенёс отметки на пластину. Три иглы у западного края наклонились одна за другой. Вода в чаше потемнела над угольной дорогой. Не возникло ни свечения, ни чудесной картинки — только тонкая тень, будто под стеклом лежал волос.

Тая склонилась ниже.

— Это она?

— Начало.

— На карте линия была длиннее.

— Потому что там я поверил линии раньше, чем проверил.

Астен достал третью пластину. По ней шли мелкие царапины, почти невидимые без света. Он повернул латунный круг к солнцу, поймал бледный луч и направил его в чашу. На дне проступили развилки.

— Что это?

— Возможные продолжения. Чем больше независимых причин совпадает, тем темнее линия.

Одна дорога уходила на север, другая — к красным утёсам, третья обрывалась у воды. Все были бледными. Затем Тая передвинула деревянную бусину на своём шнуре, и тень к утёсам стала гуще.

— Не трогайте, — сказал Астен.

— Я вспомнила мельницу.

— Вспомнили или увидели, куда должна лечь бусина?

Тая отдёргнула руку.

— Какая разница?

— Вся. Если прибор подсказал вам ответ, вы перестали быть независимым свидетелем.

Он вынул пластину, перевернул её чистой стороной и попросил Тая отвернуться от чаши. Она рассердилась, но сделала. Пальцами прошла по узлам, остановилась на бусине и описала поворот: после брода дорога обходила холм слева, хотя прямой путь лежал справа.

— Почему?

— На прямом пути земля гудит под ногами.

— Болото?

— Сверху сухо. Под камнем пустота или вода.

Астен отметил обход, затем сверил его с пластиной уклонов. Там, где Тая не пошла бы, значилось старое известковое поле — порода, проеденная подземными ручьями. Он не показывал ей эту запись.

Игла легла к краю чаши. Тёмная линия продолжилась ещё на три версты.

— Теперь можно? — спросила Тая.

— Теперь это два наблюдения: ваше и землемерное. Оба получены отдельно.

— И всё равно дороги пока нет.

— Пока нет.

Астен прошёл вниз по тропе. У дальнего края карьера она раздваивалась. Левая ветвь вела к пастушьему навесу, правая заросла полынью и упиралась в осыпь. Семилетник показывал будущую дорогу справа.

Тая посмотрела на камни.

— Телега там не пройдёт.

— Сегодня не пройдёт.

Он поднялся на осыпь и стал разбирать верхние камни. Под третьим нашлась свежая метка углём. Под пятым — деревянный колышек. На нём было вырезано число двенадцать.

- Чужая отметка, — сказала Тая.
- Каменщики считают ширину выемки.
- Но вы не знали, что она здесь.
- Не знал.

За осыпью обнаружились ещё три колышка. Кто-то размечал новый спуск в карьер, вероятно, собиравшийся снова добывать камень. Если добычу откроют, сюда придут телеги. Если телеги будут ходить часто, город починит подъезд. Если на востоке останутся покупатели, подъезд соединят со старой колеёй.

Дорога была не предсказанием. Она складывалась из решений людей, которые могли никогда не встретиться.

Тая вытащила последний колышек и прочла клеймо на нижнем конце.

- Княжеская строительная палата.
- Астен взял колышек. Клеймо было свежим.
- Камень понадобится для стены или моста.
- Где?
- В ведомости не было места.
- Ваши бумаги снова забыли существительное.

Он вернулся к прибору и добавил наблюдение, не называя назначения камня. Линия под стеклом потемнела. Рядом с ней проступили короткие поперечные штрихи — будущие дворы или склады. Семь медных дуг дрогнули по очереди. Первая остановилась на втором году, следующие — на четвёртом и пятом, самая дальняя — у седьмого.

Тая следила за ними, задержав дыхание.

- Через семь лет здесь будет город?
- Нет. Через два года карьер могут открыть. Через четыре здесь вероятен постоянный путь. Через пять возле развилки могут появиться дворы. К седьмому году дорога, возможно, соединится с восточными поселениями.

- С моей деревней?
- Этого прибор пока не показал.
- Но на большой карте показывал.
- Большая карта была полнее. До того как её заставили забыть.

Она выпрямилась и посмотрела на восток. За низкими холмами туман лежал плотной стеной. Там были её мать, мельница, красные утёсы и селения, которым больше нельзя послать письмо. Или Тая помнила их настолько сильно, что превращала желание в свидетельство. Астен не знал, что страшнее.

С дороги послышался конский топот.

Тая мгновенно собрала пластины. Астен снял чашу, но сложить раму не успел. На краю карьера показались трое: два стражника и княжеский поверенный. Мужчина в зелёном кафтане остановил коня и посмотрел вниз без торжества, словно встреча была назначена.

- Господин Ладожин, — сказал он. — Вы заставили нас потратить утро.
- Пришлите палате счёт.
- Палата скоро перестанет принимать счета.

Поверенный спешил. Ему было около пятидесяти. Короткая серая борода разделялась на подбородке, на перчатках не было ни пылинки, хотя дорога раскисла. Он махнул стражникам, и те остались наверху.

— Меня зовут Верден Крайч, — сказал он. — Полагаю, госпожа Мирела не успела представить нас.

- Успела приказать запечатать мою карту.

— Не вашу. Заказанную княжеской межевой службой.

— Наблюдения принадлежат тем, кто их сделал.

— Вы говорите о праве или о привычке?

Крайч спустился в карьер. Он заметил семилетник, колышки, чашу с тёмной линией. Его спокойствие на миг нарушилось.

— Вы провели сведение?

— Проверку.

— Без утверждённых грузов. Без второго картографа. С проводницей, чьи показания исключены из реестра.

Тая шагнула к нему.

— Кем исключены?

— Управой восточных земель.

— Как она называется?

Крайч посмотрел на неё так, как писарь смотрит на пустую строку.

— Управление не обязано обсуждать внутренние решения с подёнными проводниками.

— Я не подённая. У меня свидетельское клеймо палаты.

Тая расстегнула куртку и показала медный знак на шнуре. На нём сохранились номер и половина имени. Вторая половина металла была гладкой. Не соскобленной — гладкой от отливки.

Крайч отвёл взгляд первым.

— Тем более вам известно, что ложное свидетельство карается.

— А стёртое?

Он не ответил.

Астен положил в папку пластину с проявившейся дорогой.

— На карте исчезла область. Полевой журнал изъяли. Свидетельницу удалили из реестра. При этом княжеская палата размечает здесь каменный спуск для дороги на восток. Вы знаете, куда она ведёт.

— Я знаю, что служебные приготовления не создают землю.

— Но позволяют дешёво купить её до появления на утверждённой карте.

На этот раз Крайч улыбнулся.

— Теперь я понимаю, почему госпожа Мирела считает вас опасным для семейного дела. Вы соединяете верные точки поспешной линией.

— Тогда покажите другую.

— С удовольствием. Палата Ладожиных должна поставщикам кожи, красильщикам, бывшим служащим и городской казне. Через шесть дней просроченный долг даёт нам право описать имущество. Госпожа Мирела нашла законный способ сохранить дом, архив и рабочие места. Вы же украли заказанную карту, повредили городскую башню и сейчас готовите неподтверждённый лист, который сорвёт сделку. Вот линия. Она короче вашей и не требует колдовства.

Слова били точно, потому что были правдой. Астен знал о долгах, но не о шести днях. Мирела защищала не только печать на цепочке. Если палата закроется, архив разнесут по складам, учеников прогонят, карты продадут по весу кожи.

— Какова сделка? — спросил он.

— Не со мной.

— Кто заказчик?

— Княжеская межевая служба.

— Кто получит землю?

— Земли нет.

Крайч произнёс это без нажима. Семилетник под его взглядом едва слышно звякнул медными дугами. Тая повернулась к прибору.

Тёмная линия в чаше бледнела.

Астен решил, что солнце ушло за облако, и поправил отражатель. Свет стал ярче, но дорога продолжала исчезать. Сначала пропали поперечные штрихи дворов, затем восточная развилка. Иглы одна за другой поднялись вертикально.

— Что вы сделали? — спросил он.

Крайч не двинулся.

— Ничего.

— Вы назвали её несуществующей.

— Она и есть несуществующая.

— Каменные метки существуют. Вozy существуют. Свидетель существует.

— Следы без утверждённого места. Расходы без назначения. Женщина без полного имени. Вы сами учили учеников, что набор сомнений не становится фактом оттого, что его нанесли тушью.

Дорога под стеклом исчезла до края карьера. Вода снова стала прозрачной.

Тая схватила Крайча за рукав.

— Скажите, как называется моя деревня.

Стражники наверху взяли за дубинки, но поверенный поднял ладонь.

— Не знаю.

Он сказал правду или такую ложь, которая ничем не отличалась от правды. Тая отпустила его.

Астен снял чашу. Под ней на прозрачном листе оставалась угольная линия. Она была грубой, местами ошибочной, зато существовала независимо от слов поверенного.

— Вы пришли не за картой, — сказал Астен. — Если бы она вам требовалась, стража отняла бы тубус у стены. Вы пришли, чтобы мы перестали проверять.

— Я пришёл предложить вам возможность не погубить сестру.

Крайч вынул сложенную бумагу. На ней висела маленькая печать межевой службы.

— Верните восточный лист до полудня. Подпишите, что белый участок оставлен из-за недостатка наблюдений. Мы не станем преследовать проводницу за ложные показания, город не выставит счёт за башню, а соглашение с госпожой Мирелой сохранит силу.

— Что куплено по этому соглашению?

— Право первой описи, если новые земли будут признаны.

— Первая опись даёт право назначить держателей участков.

— Да.

— Значит, земля уже продаётся.

— Нет. Продаётся право не опоздать, если она появится.

Тая засмеялась. Смех вышел коротким и злым.

— Моя мать, выходит, тоже появится через семь лет?

Крайч застегнул кафтан.

— До полудня ещё есть время.

— А после? — спросил Астен.

— Госпожа Мирела поставит печать без вас. Копия карты уже у нас.

— На копии белое место.

— Именно.

Он поднялся к лошадям. Стражники ушли вместе с ним, не потребовав тубус и прибор. Когда топот стих, Тая опустилась на камень.

— Значит, всё зря. У него есть копия.

— Копия показывает пустоту. Наша карта должна показать, что пустота сделана намеренно.

— Прибор погас от одной фразы.

Астен посмотрел на чистую воду в чаше. Семилетник собирал решения людей, но слова тоже были решениями. Если достаточно влиятельных людей называли землю несуществующей, дороги лишались денег, селения — записей, свидетели — веса. Будущее не просто предсказывали. Ему перекрывали вход.

— Не от фразы, — сказал он. — От власти за ней.

— И что вы нанесёте на карту? Власть?

— Сначала дорогу.

Он вынул угольный лист, положил рядом хозяйственную пластину и снова установил иглы. Теперь не смотрел на тень в чаше. Записывал только проверенное: старая колея между красными утёсами; известковая пустота под прямым склоном; четыре колышка строительной палаты; сорок возов соли без указанного места прибытия; свидетельский знак Таи; его собственные образцы рыжей почвы.

Каждый пункт был мал. Ни один не называл землю. Вместе они показывали направление.

Тая некоторое время молчала, затем встала и взяла свой шнур.

— От карьера до красных утёсов я знаю два пути. Обозный и зимний.

— Начнём с обозного.

— Почему не с короткого?

— Потому что обозный оставляет больше следов и свидетелей.

— А если на заставе нас ждут?

— Тогда узнаем, кто ещё знает дорогу к земле, которой нет.

К полудню на прозрачном листе снова лежала линия. Она была короче исчезнувшей дороги, не доходила до Таиной деревни и распадалась у восточного края на три слабых продолжения. Астен не стал соединять их ради красоты.

Над первой частью линии он поставил знак подтверждённого пути. Над второй — знак вероятности. Над третьей оставил чистое место, но теперь белизна означала честное незнание, а не запрет.

Тая провела пальцем от карьера к красным утёсам.

— Когда вы сказали, что карта собирает привычки будущего, я решила, что вы красиво называете гадание.

— А теперь?

— Теперь думаю, вы собираете улики, которые ещё не успели стать дорогой.

Астен свернул лист отдельно от большой карты.

На городской стене ударил полуденный колокол. Где-то в палате Мирела ставила печать на копию с белым местом. Возможно, в ту же минуту её подпись спасала дом от описи. Возможно, продавала право назначить хозяев земли, чьи жители уже теряли имена.

Семь ударов спустя медные дуги прибора дрогнули сами собой. На восточном краю чаши появилась цепочка тёмных точек. Не дорога и не граница. Поселения.

Астен насчитал девять, прежде чем первая погасла.

Тая успела насчитать восемь.

Они записали числа отдельно, не сговариваясь.

— Почему разные? — спросила она.

— Потому что один из нас ошибся.

— Кто?

— Узнаем на месте.

Он собрал семилетник, повесил тубус за спину и отдал Тае пластину с линией. Теперь у каждого была часть свидетельства, и ни один не мог незаметно исправить всё.

Они вышли из карьера на восточную тропу. За спиной город утверждал карту вчерашнего дня. Впереди, за туманом, девять или восемь поселений ждали, пока кто-нибудь признает: их завтрашний день уже пытаются продать.

Глава 3. Сестра продаёт будущее

К вечеру дорога разделилась на ту, что была на карте, и ту, по которой ездили люди.

Первая шла ровно на восток, через сухой холм и берёзовую рощу. На старом придорожном камне ещё виднелась стрелка к княжеской заставе. Вторая сворачивала в поле, огибала холм длинной дугой и возвращалась к тракту уже за рощей. Колея на ней была свежей, глубокой, местами наполненной водой.

Тая остановилась у развилки.

— Короткая дорога закрыта.

— Вчера?

— Давно. Посмотрите на траву.

Между каменными плитами старого тракта росла полынь по колено. Астен сошёл с дороги и нашёл в канаве обломок шлагбаума. Дерево почернело, железная скоба покрылась ржавчиной. Кто-то перекрыл официальный путь несколько лет назад, но на картах палаты он оставался главным.

— Почему не исправили? — спросила Тая.

— Заставный смотритель должен был прислать донесение.

— А если заставы нет?

— Она есть в перечне.

— Как моя деревня?

Астен ничего не ответил.

После карьера они шли четыре часа. Семилетник тянул плечи вниз, тубус бил по спине, а падение в капусту отзывалось болью под рёбрами. У Таи на плече вместо ремня осталась узкая красная полоса: распущенный шнур висел сейчас из окна башни. Она ни разу не пожаловалась.

Обозная дорога привела их к низкому мосту. Под ним текла безымянная речка, которой не было на восточном листе. На другом берегу стоял постоялый двор: конюшня, навес, длинный дом с закопчённой крышей. Над воротами висела доска без надписи. Краска сохранилась только по краям, в середине дерево было чистым.

— Здесь называлось «У Лисьего брода», — сказала Тая.

— Уверены?

— Нет. Но лиса была нарисована на вывеске.

— Лисы тоже нет.

— Художник плохо рисовал. Может, она ушла первой.

Во дворе стояли три телеги с мешками, крытая повозка и княжеская карета. На дверце кареты серебрился знак межевой службы.

Астен невольно оглянулся на запад. Дорога была пуста.

— Крайч обогнал нас через южные ворота, — сказал он.

— Или послал тех, кто был ближе.

— Нам нужны еда, лошадь для прибора и сведения о заставе.

— А им нужна наша карта.

— Поэтому вы понесёте пластину.

Тая похлопала себя по куртке.

— Уже несу.

— Если нас разделят, идите к красным утёсам. Не ждите меня.

— Вы всегда так легко распоряжаетесь, кто кого не ждёт?

— Только когда за мной приходит княжеская карета.

Они вошли во двор. Из конюшни выглянул мальчик, увидел тубус и тут же скрылся. Под навесом сидели возчики. Разговор оборвался. Один медленно снял шапку, второй отвернулся к стене.

— Картограф, — сказал третий.

Не приветствие. Предупреждение остальным.

Дверь постоянного двора открылась. На крыльцо вышла Мирела.

Она успела сменить платье на дорожное, поверх накинула тёмный плащ, но короткие волосы растрепались, и на щеке осталась серая полоса от оконной пыли. В руке она держала кожаную папку. Серебряная цепочка с печатью была обмотана вокруг запястья дважды.

— Я рассчитывала, что ты выберешь короткую дорогу, — сказала она.

— Она перекрыта.

— Знаю.

— Тогда почему она до сих пор на нашей карте?

— Потому что исправление не оплачено.

Тая тихо фыркнула.

Мирела перевела взгляд на неё.

— Госпожа Рубеж, я не желаю вам зла. Верните пластину и уходите. Вам дадут лошадь и двадцать серебряных.

— Чтобы я добралась домой?

— Куда захотите.

— Домой я иду бесплатно.

— Домой вы сейчас не попадёте.

Сказано было слишком уверенно.

Тая шагнула к крыльцу.

— Почему?

— Восточная застава закрыта.

— На сколько?

— До окончания описи.

— Чего?

Мирела сжала папку. Астен видел, как ноготь большого пальца побелел на тёмной коже.

— Земель к востоку от Ветлы.

Во дворе стало слышно, как лошадь жуёт сено.

— Земель, которых нет? — спросил Астен.

— Не начинай.

— Ты приехала описывать пустоту?

— Я приехала остановить тебя, пока ты не сделал хуже всем.

— Крайч уже объяснил про шесть дней. Теперь объясни сама, что продала.

— Не здесь.

— Именно здесь. При свидетелях.

Мирела посмотрела на возчиков. Те разом нашли дела: один стал затягивать ремень на мешке, другой поднялся к лошади, третий ушёл в дом. Слово «свидетели» действовало уже не как испуг, а как команда исчезнуть.

Хозяин постоянного двора выглянул из окна и закрыл ставню.

— Видишь? — спросила Мирела. — Люди не хотят участвовать в твоём споре.

— Люди знают, что за участие приходится платить.

— Да. И я хотя бы считаю цену до того, как потребовать от них храбрости.

Она сошла с крыльца.

— Внутри тепло. Поговорим втроём.

— Папку оставите здесь? — спросила Тая.

— Нет.

— Тогда говорите здесь.

Мирела прищурилась. Две женщины мерили друг друга молча. Астен понял, что обе привыкли выбирать путь и отвечать за тех, кто идёт следом. Только Мирела вела людей от беды, которую уже видела, а Тая — к дому, который другие перестали видеть.

— Хорошо, — сказала сестра. — Здесь так здесь.

Она положила папку на пустую бочку, открыла застёжки и достала четыре листа. На первом стояли печати княжеской межевой службы, городской долговой палаты и дома Ладожных. Под последней была подпись Мирелы.

— Соглашение о предварительной описи, — сказала она. — Служба погашает долги палаты, сохраняет архив в доме на Медной и оплачивает работу шести служащих на два года.

— У нас осталось четверо, — заметил Астен.

— Лема и двух учеников вернут.

— В обмен на что?

— Мы составляем карту восточной области после её признания.

— После признания или до?

— Подготовительную карту — сейчас. Окончательную — после.

— Подготовительная уже утверждена с белым местом.

— Потому что для области нет надёжных наблюдений.

Тая ударила посохом в землю.

— Я наблюдение.

— Вы заинтересованное лицо.

— А кто там не заинтересован? Камень?

— Камень хотя бы не требует признать дом своей матери основанием для княжеской границы.

Тая побледнела, но не отступила.

Астен взял второй лист. Там перечислялись права службы: направлять мерщиков, временно закрывать дороги, отмечать бесхозные участки, назначать хранителей будущих угодий. Срок действия — семь лет. Отсчёт начинался сегодня, с полуденного удара.

— Хранители, — сказал он. — Кто они?

— Пока не назначены.

— Крайч сказал «держатели».

— В проекте было другое слово.

— Люди, живущие там сейчас, станут держателями собственной земли у тех, кого назначит служба.

— Если там кто-то живёт, их права проверят.

— Как проверят имя деревни, которого нет в перечне?

Мирела протянула руку за листом. Астен не отдал.

— Ты знала, — сказал он.

— Я знала, что записи противоречат друг другу.

— Ты помнишь часовню.

— Не помню.

— Шрам помнит.

Сестра спрятала правую ладонь в складках плаща.

— Телесная привычка не доказательство. Ты сам это знаешь.

— Поэтому мы ищем независимые следы.

— А пока ищите, дом заберут.

— Дом можно продать.

— Кому? Крайчу? Красильщику, которому мы должны за три сезона? Разобрать архив по сундукам, выгнать людей и начать заново в сарае? Ты легко предлагаешь продать дом, потому что никогда не оставался считать после твоих экспедиций.

Она выдернула лист из его руки.

— Знаешь, сколько стоила пятая поездка? Семьдесят восемь золотых. Знаешь, сколько из них заплатил заказчик? Двенадцать. Ты вернулся с образцами почвы, рассказами о новой реке и требованием послать ещё две группы. Я заняла деньги под пресс, потому что верила тебе. Потом названия начали исчезать. Заказчик отказался от работы. Поставщик подал иск. А ты снова уехал проверять линию.

— Почему не сказала?

— Говорила. Ты отвечал, что карта не может ждать счетов.

Астен вспомнил разговоры, которые считал обычными жалобами Мирелы: кожа подорожала, ученикам нечем платить, заказчик задерживает расчёт. Он слушал вполуха, собирая ящики в следующую поездку. Это не делало сделку честной, но лишало его удобного права изображать сестру человеком, внезапно выбравшим деньги.

— Я виноват в долгах, — сказал он. — Не жители востока.

— Жители, которых никто не может назвать.

— Ты можешь.

— Не могу!

Окрик ударился о стены двора. На папке дрогнули листы. Возле моста речная вода пошла кругами, хотя ветра не было.

Мирела прижала пальцы к горлу. На миг ей стало трудно дышать.

Астен шагнул к ней, но она выставила ладонь.

— Не надо.

— Что с тобой происходит, когда ты пытаешься сказать?

— Ничего.

— Сейчас ты едва не задохнулась.

— Я злюсь.

— На договоре есть запрет?

— Есть условия неразглашения, как в любом княжеском заказе.

— Они шелестят архивом и стирают подписи с металла?

Мирела собрала листы слишком быстро. Один выскользнул и упал под бочку. Тая наступила на край сапогом.

— Уберите ногу, — сказала Мирела.

— Сначала прочитаю.

— Это собственность палаты.

— А опись — моей земли.

— Если это ваша земля, назовите её.

Тая наклонилась к Миреле так близко, что между ними оставалась ладонь.

— Вы хорошо выбрали замок для двери, у которой украли имя.

Астен поднял лист. Это было приложение с перечнем подготовительных работ. Большинство строк казались обычными: обмер дорог, проверка воды, описание лесов, учёт дворов. Последний пункт был вписан другой рукой: «Согласовать молчание исполнителей до завершения признания».

— Что значит согласовать молчание? — спросил он.

Мирела вырвала приложение.

— Служащие не обсуждают незавершённую карту.

— Так и написали бы.

— Писал юрист.

— Кто должен молчать?

— Картографы, мерщики, проводники. Все, кто увидит подготовительные материалы.

— И жители?

— Они не исполнители.

— Тогда почему Тая потеряла название дома?

Мирела закрыла папку.

— Потому что память ненадёжна. Ты нашёл дыру и решил, что вокруг неё обязан существовать заговор. Я нашла способ спасти то, что существует на самом деле.

Она кивнула на дом, двор, телеги, людей.

— Крыша существует. Жалованье существует. Долговая тюрьма существует. А твои девять точек в стеклянной чаше ещё ничего не требуют и ни за что не отвечают.

— Восемь, — сказала Тая.

Мирела посмотрела на неё.

— Что?

— Я увидела восемь. Он девять. Мы записали отдельно.

— И это кажется вам доказательством?

— Это кажется мне честнее вашей пустоты.

Из дома вышел хозяин. В руках он держал дощечку для счёта и кусок мела.

— Госпожа Ладожина, — начал он, не глядя на Таю. — Люди спрашивают, будет ли сегодня перепись.

— Будет, — ответила Мирела.

— Тогда куда ставить стол?

— У ворот. Записывать всех, кто прибыл с востока за последние три дня. Имя, ремесло, число лошадей, груз.

— А место?

Мирела помедлила.

— Место прибытия не записывать. Ставить «восточная дорога».

Тая медленно повернулась к возчикам. Те всё слышали.

— Вот она, ваша опись, — сказала она. — Сначала отрезать место от человека. Потом объявить место пустым. Потом вернуть его человеку в держание.

— Я не составляла порядок, — ответила Мирела.

— Но поставили печать.

— Поставила.

В этом слове не было ни оправдания, ни попытки спрятаться за Крайча. Мирела выпрямилась.

— И поставлю снова, если выбор останется тем же. Я не позволю уничтожить палату ради земли, которую мой брат не сумел доказать. Если область признают, у её жителей будет возможность предъявить права. Если не признают, никто ничего не потеряет.

— Кроме имени, — сказал Астен.

— Имя не кормит шесть семей.

— Попробуй прожить без своего.

Лицо Мирелы стало неподвижным.

— Отдай карту.

— Нет.

— Тогда я объявлю тебя отстранённым от работы палаты и сообщу страже о хищении.

— Объявляй.

— Ты не понимаешь. Все твои знаки, свидетельские записи и полевые журналы действительны, пока за ними стоит печать палаты. Без неё ты не картограф, а человек, рисующий дороги на рыбьей коже.

Астен понимал. Лучше, чем хотел показать.

Картографом его делали не только навык и память. Заставы пропускали его по знаку дома Ладожиных. Управы открывали архивы, потому что доверяли печати. Свидетели подписывали листы, зная, что записи примут в суде. Без палаты он мог измерить реку, но не заставить княжеского писаря признать её существующей.

Мирела увидела, что попала точно.

— Вернись, — сказала она тише. — Мы исправим долги. Через два года, когда договор закончится, проведём новую экспедицию. Если твоя область существует, она никуда не денется.

Тая провела пальцем по гладкой половине медного знака.

— Моя деревня исчезла за месяц.

— Деревни не исчезают за месяц.

— Названия — исчезают.

— Люди живут не в названиях.

— Тогда почему вы покупаете право назвать их землю первой?

Мирела отвернулась.

У ворот застучали копыта. Во двор въехали четыре всадника и открытая повозка. На ней стояли мерные колья, свёрнутые цепи и ящик княжеских табличек. Старший всадник предъявил Миреле бумагу.

— От господина Крайча. Просил начать до темноты.

Она прочла приказ. Астен увидел знакомую печать и свою фамилию в середине строки.

— Что там? — спросил он.

Мирела сложила бумагу.

— Предварительная опись дороги.

Старший мерщик спрыгнул с седла и открыл ящик. Внутри лежали деревянные таблички трёх цветов. Белые означали проверенное владение, жёлтые — спорное, чёрные — бесхозный участок. Астен видел такие на пограничных работах. Чёрную табличку разрешалось поставить только после трёх объявлений в управе и обхода с местным старостой.

Мерщик взял чёрную.

— С какого места начинать?

Мирела указала на безымянный мост.

— Отсюда.

— Староста где?

— Для восточной области не назначен.

— Тогда кто подтверждает отсутствие владельца?

Она подняла руку с серебряной цепочкой.

— Палата Ладожиных как составитель подготовительной карты.

Астен перехватил её запястье прежде, чем она коснулась таблички печатью.

— Этот мост построен кем-то.

— На карте он безымянный и бесхозный.

— Карта ошибочна.

— Ты не представил исправление.

— Оно у меня за спиной.

— Не утверждённое.

— Потому что ты отказываешься смотреть.

Мирела попыталась высвободить руку.

— Отпусти.

Он отпустил. На её коже остались красные следы его пальцев. Мирела потёрла запястье, затем протянула печать мерщику.

Астен встал между ними.

Стражников во дворе не было, но у мерщиков висели короткие мечи. Возчики снова перестали работать. Хозяин держал мел над дощечкой и не смел провести первую черту.

— Если поставишь чёрную метку, — сказал Астен, — ты не просто спасёшь палату. Ты начнёшь отнимать землю у людей, которых заставили забыть.

— Если не поставлю, завтра опишут наш дом.

— Пусть.

— Ты можешь отдать свою долю. Не доли Лема, учеников, печатника, вдовы отца. Дом принадлежит не только твоей совести.

— И восток принадлежит не только твоим кредиторам.

— Предложи третий путь.

Он молчал.

Мирела ждала. Не для вида. Если бы Астен назвал способ за шесть дней найти деньги, сохранить архив и не отдавать право первой описи, она, возможно, отложила бы печать. Но в его карманах лежали два серебряных, угольный карандаш и ключ от башни с выбитой дверью.

— Я найду доказательства, — сказал он.

— За шесть дней?

— Да.

— И долговая палата примет вместо денег твою уверенность?

— Попроси отсрочку.

— Просила трижды.

— Продай пресс.

— Он заложен.

— Мою долю дома.

— Она тоже заложена. С твоей подписью. Ты подписал перед пятой поездкой, не читая сумму.

Астен вспомнил лист, который Мирела подала ему между ящиками. Он действительно подписал. Спросил только, хватит ли на две группы.

Сестра больше не ждала третьего пути. Она взяла чёрную табличку, прижала серебряную печать к мягкому воску и поставила знак Ладожиных.

Мерщик забил табличку возле моста.

Первый удар молотка отдался у Астена в зубах. На втором вода под мостом стала тише. После третьего с вывески над воротами исчез последний рыжий мазок, похожий на лисий хвост.

Тая вскинула голову.

— Речка, — сказала она.

— Что?

— Я только что знала её название.

Она бросилась к воде, присела у берега и зачерпнула ладонями. Вода оставалась водой — холодной, мутной, пахнувшей торфом. Но Тая смотрела на неё как на лицо человека, которого перестала узнавать.

— Вы это видели? — спросил Астен у возчиков.

Никто не ответил.

— На вывеске была лиса. Кто помнит?

Первый возчик натянул шапку. Второй ушёл за телегу. Третий пробормотал:

— Вывеска старая. Там ничего не было.

Мирела стояла у чёрной таблички. Она тоже смотрела на чистую доску над воротами.

— Ты видела, — сказал Астен.

— Краска облупилась.

- Между двумя ударами молотка?
- Я не следила за вывеской.
- Поэтому всё работает. Каждый не следит в нужный миг.
- Старший мерщик закрыл ящик.
- Госпожа Ладожина, следующий знак у заставы?
- Да.
- Она закрыта. Смотрителя нет.
- Где он?
- В списках не значится.
- Мирела вздрогнула. Совсем слегка, но Астен заметил.
- Кто сообщил о закрытии? — спросила она.
- Приказ господина Крайча.
- На каком основании?
- Отсутствие действующей дороги.

Она посмотрела на чёрную метку, которую только что поставила. Сделка уже начинала есть собственные основания. Чтобы объявить землю бесхозной, требовалась опись. Чтобы провести опись, закрывали дорогу. Закрытая дорога переставала быть действующей и доказывала, что за ней ничего нет.

- Отзовите мерщиков, — сказал Астен. — Пока мы не проверим заставу.
- Не могу.
- Ты распорядитель палаты.
- Приказ идёт от Крайча.
- А печать твоя.

Мирела провела большим пальцем по серебру. Царапина на печати стала глубже, будто кто-то только что провёл по ней ножом.

— Договор вступил в силу, — сказала она. — Если я сорву опись, служба потребует вернуть деньги сразу.

- Они уже заплатили?
- Сегодня утром закрыли два иска.
- Ты даже не можешь отступить.
- Могу. И потеряю дом к вечеру.
- Значит, Крайч купил не землю. Он купил твоё следующее решение.

Мирела ударила его ладонью по лицу.

Во дворе никто не пошевелился.

Астен почувствовал вкус крови. Сестра ударила левой рукой, чтобы не выпускать печать из правой.

— Не смей, — сказала она. — Не смей делать из меня безвольную дурочку. Я прочла договор. Я знаю, что подписала. Я выбрала дом, архив и живых людей, которых могу назвать. Да, ценой возможных прав тех, кого не могу проверить. Это плохой выбор. Но он мой.

Она повернулась к Тае.

— И если ваш дом существует, приведите меня туда. Дайте увидеть жителей, кладбище, книги, межи. Я внесу всё в опись.

- Застава закрыта вашим приказом.
- Не моим.
- Вашей печатью.

Мирела стиснула зубы.

— Тогда я выдам вам разрешение.

Она достала чистый лист, положила на бочку и быстро написала несколько строк. Перо хозяин принёс без просьбы. Мирела указала: предьявитель Тая Рубеж и картограф Астен Ладо-

жин допускаются за восточную заставу для сбора свидетельств подготовительной описи. Внизу поставила печать.

Воск треснул пополам.

На листе фамилия Астена побледнела.

Сначала исчезла последняя буква, затем предпоследняя. Осталось «Ладож». Чернила были свежими, но бумага выглядела так, будто имя годами выгорало на солнце.

Мирела отшатнулась.

— Что ты сделал?

— Ничего.

Она снова окунула перо и дописала фамилию. Чернила легли чёрно. Через одно дыхание последние две буквы посерели.

Тая взяла разрешение за край.

— Не пишите фамилию. Пишите «брат распорядителя».

— Это не должность.

— Зато пока помните.

Мирела переписала строку: «мой брат Астен, картограф палаты». На этот раз запись сохранилась, хотя имя стало бледнее соседних слов.

Астен смотрел на него и чувствовал, как холодеет затылок. Он ещё ничего не раскрыл публично. Только отказался подтвердить пустоту и повёл независимого свидетеля на восток. Заклинание уже пробовало его имя на прочность.

— Крайч знает, что это случится? — спросил он.

— Не знаю.

— Мирела.

— Я не знаю.

Она сказала свободно. Значит, либо правду, либо запрет не касался этого вопроса.

Тая сложила разрешение и спрятала во внутренний карман.

— Мы идём к заставе.

— Возьмите карету, — сказала Мирела. — Доедете до темноты.

— Княжескую?

— Мою.

— А вы?

— Останусь на описи.

— Продолжите ставить чёрные знаки?

— Продолжу считать то, что удастся проверить.

Тая посмотрела на неё с открытой неприязнью.

— Если поставите ещё один до нашего возвращения, я не дам вам вести опись моей деревни.

— Вы не можете запретить.

— Тогда попробуйте найти её без меня.

Мирела не ответила.

Астен подошёл к чёрной табличке. Выдернуть её сейчас значило дать Крайчу повод отменить разрешение. Оставить — признать начало захвата. Он вынул уголь и на обратной стороне написал: «Мост существовал до описи. Владелец не установлен. Свидетели опрошены не были». Поставил дату и имя.

Фамилия на дереве продержалась.

— Всё ещё картограф? — спросила Мирела.

— Пока есть поверхность и то, что на ней можно проверить.

Она отвернулась к мерщикам.

Карета оказалась пустой, но на полу лежал свёрнутый плащ Крайча. Значит, поверенный приехал в ней и уехал верхом, оставив Миреле удобство и напоминание, кому оно принадлежит. Астен выбросил плащ на крыльцо.

Тая уложила семилетник под сиденье, тубус оставила Астену. Сама села рядом с кучером.

— Вы умеете править? — спросил тот.

— Лучше вас.

— С чего решили?

— Вы повернули карету на тесном дворе в три приёма.

Кучер обиделся, но уступил вожжи.

Когда они выезжали, хозяин постоялого двора наконец провёл мелом первую черту на дощечке. За ней написал: «Двое. Прибыли с западной дороги». Не имена, не цель, не место назначения. Только число и направление.

У моста Мирела стояла рядом с чёрным знаком. Серебряная цепочка блестела на её запястье, как тонкий поводок.

Астен поднял руку. Сестра не ответила.

Карета покатила по дороге, которой официально не существовало. После первого поворота постоянный двор исчез за деревьями. Тая держала лошадей быстро, но не гнала. Она прислушивалась к стуку колёс.

— Что слышите? — спросил Астен.

— Правая ступица разболтана. Перед заставой придётся подтянуть.

— Я не об этом.

— А я не хочу всё время слушать, как у меня отнимают дом.

Они проехали ещё версту.

— Вы знали, что фамилия начнёт исчезать? — спросила Тая.

— Знал, что такое возможно, если один человек раскрывает устройство запрета.

— Вы ещё не раскрыли.

— Возможно, заклинание считает саму проверку началом рассказа.

— Или ваша сестра вписала вас в договор.

Астен вспомнил приложение: картографы, мерщики, проводники. Все, кто увидит подготовительные материалы. Его имя могло стоять в перечне исполнителей ещё до подписи Мирелы.

— В пятой поездке я составлял карту по заказу службы, — сказал он. — Если старое обязательство перенесли в новый договор, я уже внутри.

— Тогда почему вы можете говорить?

— Я пока не знаю, о чём именно должен молчать.

— Удобное заклинание. Сначала забирает слово, потом не позволяет спросить какое.

Солнце опускалось за спиной. Дорога постепенно становилась уже. Колея уходила между соснами, ветви задевали карету. На стволах виднелись старые метки: две косые черты и круг. Астен записал их расположение. Через полверсты метки пропали.

На их месте появились чёрные таблички.

Первая стояла у пустого выпаса. Вторая — возле сруба без крыши. Третья — у колодца, над которым висело ведро. Верёвка была мокрой. Кто-то набирал воду недавно.

Тая остановила карету.

— Этого утром не было.

— Вы здесь ехали?

— Вчера. У колодца сидела старуха и продавала яблоки.

Астен спрыгнул на землю. На траве остались вмятины от корзин. Возле колодца лежало разрезанное яблоко; мякоть ещё не успела потемнеть полностью.

На чёрной табличке блестел свежий воск. Печать была не Ладожиных — княжеская.

Тая обошла сруб.

— Здесь кто-нибудь есть?

Изнутри донёсся шорох.

Астен заглянул в дверной проём. В углу сидел мальчик лет десяти. Он держал корзину с яблоками и смотрел на них широко раскрытыми глазами.

— Где женщина, которая была у колодца? — спросила Тая.

Мальчик указал на лес.

— Почему ушла?

— Пришли с кольями. Сказали, дом ничей.

— А она?

— Бабка стала ругаться. Ей велели привести старосту. Она пошла.

— Как её зовут?

Мальчик открыл рот, нахмурился и прижал ладонь ко лбу.

— Бабка.

— А деревня?

— Какая деревня?

— Эта.

Он оглянулся на недостроенный сруб, колодец, выпас.

— Тут три дома было, — сказал мальчик. — Утром.

Астен вышел наружу. В траве виднелись прямоугольники утоптанной земли, зола, обломки глиняной посуды. Дома не могли исчезнуть физически за день. Их разобрали или сожгли бы с шумом, оставили брёвна и угли. Но глаз отказывался собирать следы в жильё. Пустой участок казался естественным.

Он поставил семилетник прямо у колодца. Без треноги, на ящике. В чаше вместо будущей дороги появилась тёмная точка, затем рядом вторая. Третья мигнула и исчезла.

— Девять или восемь, — сказала Тая. — Они начали с ближних.

Астен достал разрешение Мирелы. Имя на нём оставалось бледным, но различимым.

— Как тебя зовут? — спросил он у мальчика.

— Ольт.

— Полное имя?

— Просто Ольт.

— Запишем. Сам поставишь знак.

Мальчик не умел писать. Астен обвёл его ладонь на краю листа, отметил рост, цвет куртки, корзину и место встречи. Тая отдельно завязала на шнуре новый узел и дала Ольту выбрать форму: двойной, похожий на два яблочных семечка.

— Теперь вы двое сговорились, — сказал мальчик.

Астен поднял глаза.

— Почему ты так решил?

— Люди с кольями сказали, если двое рассказывают одинаково, значит, сговорились.

— А если по-разному?

— Значит, врут.

Тая выругалась.

Крайч готовил не только пустую карту. Он заранее лишал силы любой рассказ: совпадение называл сговором, различие — ложью. На таком суде невозможно было доказать даже мокрое ведро.

Астен отдал Ольту свой угольный карандаш.

— Не повторяй наши слова. Нарисуй то, что сам видел утром.

Мальчик сел на пороге и на обороте долговой расписки, найденной в кармане Астена, нарисовал три кривых дома, колодец и старуху с корзинами. У одного дома было четыре окна, у другого дверь висела набок. Между домами стояла яблоня.

На пустом участке яблони не было.

— Где дерево? — спросила Тая.

Ольт показал за сруб. Там в траве лежал свежий пенёк. Срез был белым и влажным.

— Люди с кольями срубили?

— Нет. Бабка сама. Сказала, если дерево забудет дом, она унесёт память в корзине.

Астен посмотрел на яблоки. Обычные, небольшие, с красным боком. В каждой корзине лежало доказательство сада, которого уже не было.

На дороге слышались голоса.

Тая подняла посох. Из леса вышла старуха, а за ней шестеро людей. Двое несли вилы, один — топор. Старуха держала за плечи молодую женщину в форме княжеского писаря.

— Вот ещё один, — сказала старуха, увидев Астена. — С тубусом.

— Он не с ними! — крикнул Ольт.

— Все они сначала не с ними.

Тая встала между Астеном и вилами.

— Я Тая Рубеж. Вела ваши обозы через красные утёсы.

Старуха всмотрелась.

— Рубеж? Не знаю таких.

— Покажите ладони.

— Зачем?

— Вы покупали соль у восточных возчиков. На верёвках от мешков остаётся синяя краска.

Старуха раскрыла ладони. У основания пальцев въелась синяя полоса.

— И что?

— У меня такая же.

Тая показала свою. Цвет почти сошёл, но под ногтями оставались синие точки. Не память и не рассказ — одинаковый след работы.

Люди опустили вилы не сразу, но опустили.

Писарь вырвалась из рук старухи.

— Вы задерживаете княжескую служащую! Эти постройки не внесены ни в один реестр.

— Утром были внесены в мою жизнь, — сказала старуха.

— Как называется селение?

— Называется...

Она замолчала. Люди переглянулись. Молодой мужчина попытался подсказать, но тоже не смог. Писарь улыбнулась тонко, почти сочувственно.

— Вот видите. Вы разбили временные жилища на бесхозной земле. Вам предложат участки после описи.

— Наши же? — спросил мужчина.

— Законные. С табличкой и записью.

— За плату?

— За умеренный ежегодный сбор.

Старуха подняла топор.

Астен шагнул к писарю и показал разрешение Мирелы.

— Предварительная опись палаты Ладожиных. Все действия приостановить до проверки свидетельств.

Писарь прочла лист.

— «Мой брат Астен». Фамилии нет.

— Печать есть.

— Печать треснула.

— Но рисунок различим.

Она колебалась. Мирелина печать ещё сохраняла власть, даже надломленная.

— До утра, — решила писарь. — Потом прибудет старший мерщик.

— Таблички снять.

— Не имею права.

— Новые не ставить.

— До утра.

Старуха плюнула ей под ноги.

Писарь ушла к дороге, не оглядываясь.

Астен повернулся к людям.

— Нам нужно записать всё, что каждый видел сам. Не повторяйте друг за другом. Рисуйте дома, считайте ступени, покажите старые ямы от столбов, принесите вещи с метками.

— Чтобы нам вернули наше? — спросил мужчина.

— Чтобы никто не смог честно назвать его пустым.

— А нечестно?

Астен посмотрел на чёрные таблички.

— Нечестно уже назвали.

До темноты они собрали шесть разных описаний. Ни одно не совпадало полностью. Старуха помнила два дома и сарай; Ольт нарисовал три дома; мужчина утверждал, что было четыре, но четвёртым считал летнюю кухню. На первый взгляд Крайч получил бы удобное доказательство лжи.

Зато все независимо указали колодец в семнадцати шагах от яблони. Трое показали старую печь под пустым холмом. Двое принесли ключи, подходившие к замкам, найденным в траве. Старуха достала из корзины глиняную печать с изображением лисы.

— На каждом мешке ставили, — сказала она. — Лисий Брод. Вот как называлось.

Тая закрыла глаза.

— Лисий Брод, — повторила она.

Вода в колодце отозвалась тихим плеском. На вывеске далёкого постоялого двора они этого увидеть не могли, но Астен представил, как на чистом дереве проступает рыжий хвост.

Он записал название. Чернила не исчезли.

Все шестеро произнесли его по одному, каждый после собственного рассказа. Не хором. Не заученно. У старухи это было место торговли, у Ольта — три дома, у мужчины — четыре, у Таи — брод на обозной дороге. Разные Лисьи Броды совпали у одного колодца.

Семилетник показал три тёмные точки. Ближайшая перестала мигать.

Астен перевернул разрешение Мирелы. На обороте написал: «Первый участок описи населён. Бесхозным не считать. Шесть независимых показаний, вещественные следы, имя восстановлено».

Под записью поставил только «Астен».

Фамилию оставил для следующего доказательства.

Глава 4. Имя, которого нет в списке

К восточной заставе они приехали ночью, но огни там не горели.

Дорога упиралась в две створки, окованные железом. Над ними поднималась сторожевая башня, чёрная на фоне низкого неба. В обычное время здесь не спали: проверяли телеги, меняли лошадей, спорили о пошлине, грели в общей жаровне руки. Теперь ворота были заперты, окна закрыты ставнями, а поперёк княжеского герба тянулась чёрная полоса ткани.

Тая остановила карету.

— Траур? — спросил Астен.

— Так закрывают путь из-за мора или войны.

— Ни того ни другого нет.

— По эту сторону.

Лошади беспокойно переступали. За воротами не слышалось ни голоса, ни звона упряжи. Только ветер толкал сухие листья вдоль частокола.

Астен постучал железным кольцом. Звук ушёл в башню и вернулся глухим эхом.

— Восточная застава! Палата Ладожиных, подготовительная опись!

Никто не ответил.

Он постучал снова. На третьем ударе в бойнице мелькнул свет.

— Кто? — спросил мужской голос.

— Картограф Астен. Со мной проводница Тая Рубеж. У нас разрешение распорядителя палаты.

— Застава закрыта.

— Нам известно. Откройте для проверки документов.

— Документы проверяют днём.

Тая взяла у Астена кольцо и ударила три раза, потом ещё два, с длинной паузой.

За воротами что-то упало.

— Кто дал сигнал? — голос стал ближе.

— Проводница седьмого восточного пути.

— Назовись.

— Тая Рубеж.

Молчание длилось так долго, что лошади снова тронулись с места.

— В списке такой нет, — сказал человек.

— В прошлом году была.

— Сейчас нет.

— Тогда открой и посмотри на меня, Енс.

В бойнице показалось лицо. Смотритель поднёс фонарь. Ему было за шестьдесят; седые усы свисали ниже подбородка, левый глаз прикрывала мутная плёнка.

— Откуда знаешь имя?

— Я водила через тебя семьдесят два обоза. Ты каждый раз считал мой посох оружием, а потом просил найти твою трубку.

Смотритель ощупал карманы.

— Я не курю.

— Потому что потерял трубку.

Астен ожидал хотя бы улыбки. Енс отшатнулся от бойницы.

— Уезжайте. До утра ворота не открою.

— Утром нас не станет больше в твоём списке, — сказала Тая.

— Не моя забота.

— А что твоя забота?

— Выполнять приказ.

— Чей?

Бойница закрылась.

Тая ударила посохом по воротам. Один раз, второй, третий. Астен перехватил его прежде, чем она расколола наконечник.

— Он не откроет.

— Откроет. У него сын служит на восточной почте.

— Откуда знаете?

— Я привозила письма.

— Как зовут сына?

Тая замерла.

Её губы шевельнулись. Она произнесла первый звук, но дальше не смогла. Рука скользнула к медному знаку на груди.

— Начиналось на «Р», — сказала она. — Или на «Л».

— Не заставляйте себя.

— Если я перестану заставлять, у меня останется только «проводница».

Они отвели карету к пустому навесу. Астен распряг лошадей, Тая разожгла маленький огонь в дорожной жаровне. Спать не стали. До рассвета она трижды подходила к воротам и каждый раз возвращалась, не постучав.

Утром с западной стороны собрались люди. Сначала две телеги с бочками, потом семья на повозке, затем пешие работники с лопатами. Все ехали на восток и не знали о закрытии. Возчики ругались, стучали, предлагали пошлину. Енс никому не открыл.

После восхода со стороны города прибыли княжеские писари. Четверо, с сундуком документов и вооружённым приставом. Старшей оказалась та женщина, которую жители Лисьего Брода задержали вечером. Увидев Астена, она сжала губы.

— Разрешение действовало до утра.

— На нём нет срока.

— Я установила срок приостановки работ.

— Это не одно и то же.

— Сегодня вопрос решит старший мерщик.

— Где он?

— Едет.

Писари поставили стол прямо перед воротами. На него легли три книги: дорожный перечень, список служащих описи и новый реестр жителей восточной области. Последняя книга была почти пустой.

— Всем, кто требует прохода, предъявить имя и основание, — объявила старшая писарь. — До завершения предварительной описи пропускаются только исполнители службы и внесённые жители.

— Как жителю попасть в реестр, если он по ту сторону? — спросил возчик.

— Подать заявление здесь.

— А если он здесь, зачем ему доказывать, что живёт там?

— Следующий.

Возчика записали как поставщика, взяли плату и выдали жёлтую дощечку. Он получил право ехать до первой станции, но не сворачивать с дороги. Семью не пропустили: женщина сказала, что возвращается к сестре, однако не смогла назвать селение. Работников внесли в опись как землекопов княжеской службы и провели без вопросов.

Тая наблюдала, как за ними открыли узкую калитку.

— Значит, земля есть для тех, кто идёт её мерить, — сказала она. — И нет для тех, кто идёт домой.

Старшая писарь сделала вид, что не слышала.

Астен положил перед ней разрешение Мирелы.

— Подготовительная опись. Требуется проверить поселения, незаконно отмеченные бесхозяйными.

Писарь прочла запись на обороте.

— Ваш вывод не утверждён.

— Для утверждения нужна проверка.

— Ваше имя?

— Астен Ладожин.

Она провела пальцем по бледной строке.

— Здесь написано «мой брат Астен, картограф палаты». Фамилии нет.

— Печать распорядителя подтверждает.

— Печать повреждена.

— Рисунок читается.

— Ваш знак?

Астен снял с шеи овальную медаль картографа. На одной стороне была башня палаты, на другой — имя владельца. Он положил знак на стол.

Буквы фамилии потускнели. «Астен» оставался глубоким и чётким.

Писарь открыла список исполнителей.

— Астен Ладожин значится участником пятой восточной съёмки. Работа признана недостовой. Полномочия приостановлены.

— Кем?

— Заказчиком.

— Заказчик не выдавал мне решения.

— Теперь вы уведомлены.

Она придвинула медаль обратно.

— Следующая.

Тая не села на поставленный для заявителей табурет.

— Тая Рубеж. Свидетельский номер четыреста семнадцать. Проводница седьмого восточного пути.

Писарь раскрыла дорожный перечень.

— Полное имя.

— Я назвала.

— «Рубеж» — служебное прозвание. Полное родовое имя.

— Оно было на моём знаке.

Тая положила медный кружок рядом с книгой. На нём читалось «Тая Ру...». Дальше металл был гладким.

— Знак повреждён.

— Он отлит таким.

— Тогда недействителен.

— Вы знаете, что буквы исчезли.

— Я знаю только то, что вижу.

— Посмотрите в старом списке.

— Передо мной действующий.

— Старый в заставном архиве.

Енс стоял за калиткой. Через решётку было видно половину его лица.

— Смотритель, — обратилась писарь. — У вас есть прежние книги?

— Есть.

— Проверьте номер четыреста семнадцать.

Енс ушёл. Вернулся с толстой книгой, раскрыл на деревянной полке и долго листал.
— Четыреста шестнадцать, — сказал он. — Потом четыреста восемнадцать.
— Страница вырвана? — спросил Астен.
— Нет. Нумерация идёт подряд. Будто ошиблись при записи.
— Покажите.
— Книгу за ворота не выносят.
— Тогда опишите чернила между номерами.
Енс наклонился ближе.
— Есть царапины от пера. И пятно воска.
— Пустая строка?
— Нет строки.
Тая медленно подняла знак.
— Я получила его здесь двенадцать лет назад.
— Кто выдавал? — спросила писарь.
— Енс.
Все посмотрели на зрителя.
Он покачал головой.
— Не помню.
— У тебя тогда рука была перевязана, — сказала Тая. — Ты не мог держать резец и заставил меня самой выбить номер. Я поставила семёрку криво. Вот.
Она показала знак. Последняя цифра действительно уходила ниже остальных.
Енс потёр правую ладонь. Поперёк неё тянулся старый шрам.
— Откуда знаешь про руку?
— Потому что я держала резец.
— Мало ли кто видел повязку.
Писарь закрыла книгу.
— Личность не подтверждена.
— Подтверждён номер, — сказал Астен.
— Номера нет в перечне.
— Есть след выдачи: царапины, воск, шрам зрителя и знак с кривой семёркой.
— Это косвенные признаки.
— Из косвенных признаков составляют любую карту.
— Но не имя.
Тая опёрлась обеими руками на посох.
— Что мне нужно принести, чтобы вы признали меня мной?
Писарь ответила без насмешки:
— Запись о рождении, запись о найме с полной подписью или двух полноправных свидетелей, не связанных с вами общей работой.
— Запись о рождении хранится в деревне.
— Название?
— Вы знаете, что я не могу его сказать.
— Тогда запрос направить нельзя.
— Запись о найме была в палате Ладожиных. Журнал изъяли.
— Кем?
— Вашей службой.
— У меня нет сведений.
— А свидетели по эту сторону ворот меня не помнят.
— Мне жаль.
— Нет. Вам удобно.

Пристав положил руку на рукоять меча.

Астен отвёл Тая от стола. Она пошла, не сопротивляясь, но пальцы так сильно сжимали посох, что костяшки побелели.

— Не надо было приводить меня сюда, — сказала она.

— Без заставы мы не пройдем с каретой.

— Я пройду лесом.

— За воротами опись. Если вас остановят без признанного имени, разрешение не поможет.

— Тогда останусь человеком без разрешения.

Она направилась к карете.

Астен догнал её у навеса.

— Тая — ваше настоящее имя?

Она резко обернулась.

— И вы туда же?

— Я спрашиваю не для списка.

— А для чего?

— Чтобы понять, что исчезло.

— Я не знаю.

Впервые она сказала это не сердито. Села на ступеньку кареты и сняла медный знак.

— Тая — так звала мать. Рубеж я получила, когда стала проводницей. Полное имя было длиннее. Я вижу, сколько места занимали буквы. Иногда кажется, там было имя отца. Иногда — деревни. Вчера я могла бы поклясться, что помню первый звук. Сегодня не помню даже длину.

— Что меняется без него?

— Всё, что людям кажется мелочью. Я не могу забрать деньги за последний обоз: в расписке полное имя. Не могу получить письмо. Не могу доказать, что знак мой, а не украден. Не могу пройти ворота, где меня знали двенадцать лет. Если меня убьют в канаве, в книгу запишут неизвестную женщину с прозвищем.

Она перевернула знак гладкой половиной вверх.

— А хуже всего — я начинаю думать, что писарь права. Если имя нельзя подтвердить, может, его никогда и не было.

Астен сел рядом.

— Моё тоже выпцветает.

— Ваша сестра помнит вас.

— Пока.

— Дом помнит. Служащие. Сотни карт.

— Карты можно признать недостоверными. Дом описать. Служащим велеть молчать.

— Хотите утешить сравнением?

— Нет. Хочу попросить вас сделать то, что вы сделали с дорогой. Не вспоминать слово.

Вспомнить, как им пользовались.

Тая посмотрела на него.

— Объясните.

— Когда вы представлялись полностью? Кто отвечал иначе, чем на «Тая»? Где это имя оставило действие?

Она закрыла глаза.

— Мать сердилась, когда произносила всё целиком.

— Из-за чего?

— Если я приходила поздно. Если забывала закрыть коз. Если уходила с обозом, не попрощавшись.

- Что вы делали после?
- Возвращалась. Чинила загон. Оставляла ей половину заработка.
- Ещё.
- На зимних стоянках хозяева записывали проводников. Но обычно прозвищем.
- Кто требовал полное имя?
- Таможня у соляных озёр. Лекарь, когда я сломала плечо. Судья в споре об утонувшем

грузе.

- Эти записи независимы друг от друга.
- И все далеко.
- Не все.

Астен указал на старого возчика, который утром получил жёлтую дощечку. Тот всё ещё стоял у ворот: писари пересчитывали его бочки.

- Вы его знаете?
- Водила дважды. Он платил через артель.
- Значит, общей работы почти нет. Что он мог запомнить?
- Ничего хорошего.
- Тем лучше.

Возчика звали Дан. Он согласился говорить, когда Астен пообещал не задерживать груз. Тая стояла в стороне, чтобы не подсказывать.

— Проводница была, — сказал Дан. — Вредная. На красных утёсах заставила разгрузить две бочки, хотя я сказал, что ось выдержит.

- Выдержала?
 - Сломалась бы.
 - Как вы её называли?
 - Рубеж.
 - Полным именем?
- Дан почесал шею.
- В артельной расписке писали. Тая... Тая... Нет. Не идёт.
 - Где расписка?
 - У приказчика в городе.
 - На бочках есть знак артели?
 - Есть.

Каждая бочка была опечатана круглым клеймом: лодка над тремя волнами. На одной рядом с клеймом виднелась зарубка в форме кривой семёрки.

— Это что? — спросил Астен.

Дан нахмурился.

— Брак клёпки. Проводница помечала, чтобы не ставили наверх. Я тогда разозлился: испортила бочку.

Тая подошла.

— Нож у меня с треснувшим концом. Поэтому верхняя черта короче.

Она вынула нож. Кончик действительно был обломан. Сделала зарубку на щепке — получилась та же кривая семёрка.

- Это подтверждает работу, — сказал Дан. — Не имя.
- Работа подтверждает, что она была проводницей Рубеж до исчезновения записи.
- Это я и без бочки сказал.
- Скажите писарю.

Дан посмотрел на ворота.

- У меня груз.
- Пять минут.

— А потом мне припомнят лишний день на заставе.

Тая усмехнулась.

— Не надо. Он уже посчитал цену правды.

Дан покраснел.

— Я не обязан влезать в чужой спор.

— Не обязаны.

Он ушёл к бочкам. Через несколько шагов остановился, выругался и вернулся.

— Пять минут.

Писарь записала его показание, но сразу отметила: свидетель связан с Таей общей работой.

— Дважды за двенадцать лет, — возразил Дан.

— Связан.

— Тогда кто годится? Человек, который её никогда не видел?

— Два свидетеля не должны зависеть от общего интереса.

— Мой интерес — довести бочки.

— Именно.

Дан хлопнул ладонью по столу.

— Если вы её не пропустите, я не поеду. Она знает объезд у красных утёсов.

Писарь подняла перо.

— Теперь ваша зависимость очевидна.

Он отступил, поражённый ловушкой. Пока ему была нужна Тая, он считался заинтересованным. Если бы она была не нужна, он ничего не мог бы подтвердить.

Астен увидел, как устроен новый реестр. Он не проверял личность. Он отсекал все связи, которыми человек присутствовал в мире. Родство называлось интересом, совместная работа — зависимостью, соседство — стовором. Пригодным свидетелем оставался тот, кому до тебя нет дела.

— Нужен Енс, — сказал Астен.

— Он не помнит меня, — ответила Тая.

— Но его действия помнят.

Они подошли к решётке. Смотритель сидел на скамье внутри и чинил ремень.

— Когда выдавали знаки, — спросил Астен, — вы записывали плату?

— Конечно.

— Отдельно от дорожного перечня?

— В приходной книге.

— Где она?

— В нижнем сундуке.

Писарь услышала и подошла.

— Старые приходные книги не относятся к действующему реестру.

— Они независимы от него, — сказал Астен. — Именно поэтому относятся.

— Имя могло исчезнуть и там.

— Тогда останется сумма между соседними записями.

Енс принёс книгу. Долго искал нужный год. На странице выдачи знаков между номерами 416 и 418 действительно не было строки, но итоговая сумма превышала сложение видимых платежей на два серебряных и восемь медных.

— Столько стоил знак проводника? — спросил Астен.

— Два серебряных и восемь медных, — ответил Енс.

— Значит, платёж за четыреста семнадцатый сохранился.

Писарь проверила счёт. Потом ещё раз.

— Это доказывает пропущенную запись. Не личность предъявительницы.

— Кривая семёрка доказывает, что знак сделан здесь рукой человека с обломанным ножом. Шрам Енса объясняет, почему знак выбивала сама проводница. Платёж доказывает выдачу знака. Дан подтверждает, что Тая Рубеж работала с этим знаком до исчезновения записи.

— Дан заинтересован.

— А Енс?

— Не помнит выдачи.

— Его книга помнит.

Старшая писарь сжала перо. За её спиной пристав переступил с ноги на ногу. Люди у ворот слушали.

— Для прохода требуется полное имя, — сказала она.

— Где это написано?

Она открыла приказ Крайча и указала строку.

Астен прочёл: «Пропускать внесённых жителей и исполнителей, личность которых подтверждена действующей записью». Полного имени там не было.

— Личность Таи подтверждена четырьмя независимыми следами.

— Но действующей записи нет.

— Создайте.

— На каком основании?

— На основании проверки, которую вы только что провели.

Писарь посмотрела на чистую страницу нового реестра. Ей оставалось вписать имя. Простое действие, но оно нарушало саму логику пустоты: человек входил в книгу не по старой строке, а по тому, что мир продолжал хранить последствия его жизни.

— Полное имя неизвестно, — сказала она.

— Запишите известное.

— Потом возникнет спор.

— Спор лучше исчезновения.

Тая положила знак на пустую страницу.

— Тая Рубеж. Проводница. Свидетельский номер четыреста семнадцать. Остальное допишу, когда верну домой своё имя.

Писарь обмакнула перо.

В этот миг по дороге подъехал старший мерщик.

Это был Верден Крайч.

Он спешил неторопливо, отдал поводья приставу и подошёл к столу. Взгляд скользнул по книге, знаку Таи, приходному счёту и остановился на Астене.

— Вы снова торопите линию, господин картограф.

— А вы снова приходите, когда она почти проведена.

— Почти проведённая линия опаснее пустоты.

Крайч взял знак Таи двумя пальцами.

— Личность нельзя собирать из случайных следов. Иначе любой вор присвоит чужие долги, знакомства и шрамы.

— Вор не сможет независимо совпасть в десятке действий.

— Сможет, если подготовится.

— Тогда проверяйте больше.

— Государство не может тратить день на каждую безымянную проводницу.

Тая вырвала у него знак.

— Зато может потратить четырёх писарей, пристава и мерщика, чтобы отнять три дома.

Крайч не повысил голоса.

— В новый реестр её не вносить. Пропуск не выдавать.

Писарь промокнула перо.

— На каком основании? — спросил Астен.

— Недостаточное подтверждение имени.

— В приказе требуется личность, не полное имя.

— Приказ толкую я.

— Тогда вы не мерщик. Вы ворота.

— Ворота полезнее дороги, если за ними обрыв.

Крайч велел открыть створки для служебного обоза. Из-за заставы выехали две пустые телеги с чёрными табличками. Астен успел увидеть восточную дорогу: она шла между соснами, вполне настоящая, с колеями и свежим конским навозом. Вдали двигались люди.

Тая шагнула к открывшейся щели. Пристав преградил ей путь.

— Я отсюда вижу землю, которой у вас нет, — сказала она.

— Вид не устанавливает право прохода, — ответил Крайч.

Створки начали сходиться.

Енс вдруг вставил между ними сапог.

— Механизм заело, — сказал он.

— Уберите ногу, — приказал Крайч.

— Не могу. Старый замок.

Смотритель смотрел не на Крайча, а на Таю.

— Трубка, — сказал он. — Где я её потерял?

— В ящике для пошлин, под двойным дном. Вы прятали табак от жены.

Енс открыл маленькую дверцу в караульной стене, выдвинул ящик и нащупал снизу щеколду. В тайнике лежала короткая глиняная трубка, покрытая пылью.

Он держал её, словно чужую вещь.

— Никто не знал, — сказал смотритель. — Жена умерла девять лет назад. Сын не знает.

— Я нашла, когда уронила туда монету, — сказала Тая. — Вы заставили поклясться, что не расскажу.

— И не рассказала.

— До сегодня.

Енс повернулся к писарю.

— Внести. Я подтверждаю.

— Вы связаны прежней тайной, — сказал Крайч.

— Тайной — да. Интересом — нет.

— Одного свидетеля недостаточно.

— Приходная книга — второй.

— Книга не человек.

— Поэтому не боится вас.

У ворот кто-то засмеялся. Потом Дан, возчик с бочками, ударил ладонью по борту.

— Внести!

Семья, которую не пропустили, повторила. Работники с лопатами остановились уже по ту сторону и тоже стали смотреть. Слово пошло по людям неровно, не в один голос. Кто-то требовал внести Таю, кто-то — открыть дорогу, кто-то просто ругал писарей. Это не было согласованным свидетельством. Именно поэтому Крайч не мог назвать его заученным.

Старшая писарь опустила перо на страницу.

— Тая Рубеж, — прочла она вслух, — проводница. Номер четыреста семнадцать. Полное родовое имя утрачено, личность подтверждена знаком, хозяйственной записью и двумя свидетелями.

Чернила впитались.

На медном знаке Таи после «Ру» проступила ещё одна буква. Не та, которую ожидал Астен. Не «б», а тонкая «д» или «л», пересечённая царапиной.

Тая провела по ней пальцем.

— Это не Рубеж, — сказала она.

Служебное прозвание оставалось прежним, но исчезнувшая часть имени была другой. Значит, Тая всё это время принимала гладкое место за продолжение знакомого слова. Заклинание не просто стирало буквы. Оно подсовывало удобное объяснение пустоты.

— Ворота открыть для внесённого жителя, — сказал Енс.

Крайч мог отменить запись. Мог заменить писаря, арестовать смотрителя, задержать всех до нового приказа. Он посмотрел на людей, на раскрытую книгу и на проступившую букву. Затем отступил.

— Пропустить в составе описи, — произнёс он. — Не как жителя. До первой станции. Дальнейший путь после проверки.

Это была уступка, замаскированная под ограничение.

Астен подтянул разболтанную ступицу. Дан помог молча и закрепил гайку проволокой. Семью посадили на его телегу под видом помощников. Писарь выдала жёлтые дощечки.

Когда карета проходила ворота, Крайч придержал дверцу.

— Господин Астен, — сказал он, — вы сегодня доказали, что человека можно вернуть в список. Но подумайте, что случится, когда тысячи людей принесут несовпадающие следы. Вы получите не карту, а бесконечный суд.

— Тогда суд будет долгим.

— Княжество не может ждать.

— Земля ждала без вашей описи.

— Земля — да. Долги вашей сестры — нет.

Он отпустил дверцу.

За заставой дорога шла вниз, к широкой долине. На старых картах здесь начиналось нагорье. В действительности между соснами блестела река, вдоль неё тянулись поля, а на дальнем склоне дымили крыши.

Тая не смотрела на них. Она держала медный знак у самых глаз и повторяла проступившую букву, пробуя разные имена.

Ни одно не стало своим.

— Не торопите, — сказал Астен.

— Боюсь, исчезнет снова.

— Теперь она записана у трёх свидетелей.

— У каких?

— У вас, у меня и у заставной книги.

Тая спрятала знак под куртку.

— Книга остаётся с Крайчем.

Астен оглянулся. Ворота закрывались. Енс стоял в проёме с найденной трубкой, писарь сушила новую строку, Крайч уже отдавал кому-то приказ.

— Тогда нужно сделать ещё две записи, — сказал он.

Они остановились у первого верстового камня. Тая обвела новую букву углём на обороте своей пластины. Астен перенёс её в полевой лист, точно повторив неровный край. Рядом указал время, место и способ появления.

Две записи получились разными: у Таи линия дрожала, у Астена была сухой и ровной. Но буква совпала.

На верстовом камне не было числа. Астен измерил расстояние от ворот цепью и высек первую отметку ножом.

— Зачем? — спросила Тая.

— Чтобы дорога оставляла действия, даже если забудет название.

Она добавила рядом свою кривую семёрку.

Так они вошли в стёртую область: картограф с исчезающей фамилией и проводница, у которой вернулась одна неизвестная буква.

Глава 5. Молчание за серебро

Первая станция стояла на склоне над рекой и была слишком велика для дороги, которой не существовало.

Под общей крышей помещались конюшня, кухня, кладовая и две комнаты для путников. Во дворе чернели следы десятков колёс. У водосборного желоба висели шесть вёдер, на навесе сохли новые хомуты, а за изгородью тянулся ряд молоденьких яблонь. Всё говорило о постоянном движении: истёртые ступени, зола в яме, заплатки на воротах, густая жижа возле поилки. Но вывеска над крыльцом была выскоблена до светлого дерева.

Астен остановил карету у конюшни и записал время приезда. Тая измерила высоту склона, ширину двора и расстояние от колодца до старого дорожного камня. Они не обсуждали, как называется станция. После заставы оба понимали: догадка, произнесённая раньше наблюдения, станет приманкой для памяти.

Из кухни вышла женщина лет пятидесяти, крепкая, с закатанными рукавами. Она не спросила, кто приехал. Сразу указала на чёрные таблички, сложенные у сарая.

— Для описи туда. Я только кормлю.

— Нам нужна ночёвка, — сказал Астен.

— Комнат нет.

Над крыльцом висели четыре ключа.

— А эти?

— От кладовых.

Тая взглянула на зарубки возле дверей. У двух были нарисованы кровати, у третьей — кувшин, у четвёртой — подкова.

— Кладовые у вас спят на перинах? — спросила она.

Женщина сняла ключ с кровати и спрятала в карман.

— Проезжайте дальше.

— Дальше куда?

— По дороге.

— До какой станции?

Женщина посмотрела мимо них. На дороге появились писарские телеги Крайча. Ответить она не успела.

Старшая писарь со заставы вошла во двор первой. За ней приставы занесли сундук, а двое служащих принялись крепить на воротах чёрную табличку. На ней уже было вырезано: «Первая станция восточной описи. Временное владение княжеской службы».

Хозяйка сжала край передника.

— Вы говорили, табличка будет после счёта.

— Счёт начался, — ответила писарь.

— Но мы ещё не подписали.

— Тогда подпишете сейчас.

Она кивнула на свободный стол под навесом. Один из младших писарей разложил листы и поставил чернильницу. Астен заметил, что листов было два вида. На первых сверху стоял княжеский герб и длинное название ведомости. Вторые были уже, из дешёвой серой бумаги, и начинались пустой строкой.

Верден Крайч подъехал последним. Он велел приставу осмотреть конюшню, а сам обратился к Астену:

— До первой станции вы добрались. На этом разрешение исчерпано.

— В разрешении Мирелы нет такого ограничения.

— Его установил я у ворот.

— Устное ограничение не меняет печатный документ.

— Ваши полномочия приостановлены, документ выдан распорядителем, зависимым от нашей сделки, а фамилия предъявителя не читается. Хотите спорить о силе бумаги именно сегодня?

— Хочу видеть основание описи станции.

Крайч снял перчатки.

— Станция содержалась на дороге, отсутствующей в утверждённой карте. Следовательно, её доходы невозможно отнести к признанному владению. До выяснения служба принимает имущество под охрану.

— Чтобы выяснить, кому оно принадлежит, вы сначала объявляете, что оно никому не принадлежит.

— Чтобы его не растащили спорщики.

— Здесь есть хозяйка.

Женщина у крыльца быстро сказала:

— Я только кормлю.

Крайч едва заметно улыбнулся.

— Видите? Даже она не заявляет права.

Тая пошла к конюшне, будто потеряла интерес к спору. Астен знал эту походку: так она отходила достаточно далеко, чтобы люди перестали следить, но оставалась в пределах слышимости.

Писарь подозвала хозяйку.

— Имя.

— Вея.

— Полное.

— Просто Вея.

— Вы содержите станцию?

— Я сказала: кормлю.

— Кто владелец?

Вея посмотрела на серые листы.

— Не знаю.

Писарь передвинула к ней первый документ.

— Подтвердите отсутствие известного владельца.

— А если не подтвержу?

— Тогда мы будем вынуждены считать вас самовольной распорядительницей имущества.

Придётся проверить сборы, запасы и право жить в служебном помещении.

— Оно не служебное.

— Подпишите, и до конца описи сможете остаться смотрительницей. Плата прежняя, питание за счёт станции.

Вея взяла перо. Рука не дрожала. Она поставила короткую подпись и вернула лист.

Младший писарь тут же положил перед ней серую бумагу.

— Теперь расписка о сохранении сведений.

— Я прошлую давала.

— Та относилась к дороге. Эта — к имуществу станции.

— Сколько?

Писарь достал из кожаного мешочка две серебряные монеты и положил на край стола.

Вея не прикоснулась к ним.

— Было три.

— Три платят владельцу.

— А вы только что заставили меня написать, что владельца нет.

— Поэтому две.

Несколько мгновений Вея смотрела на деньги, затем прижала большой палец к серому листу. Писарь обвёл палец чернилами и велел оставить отпечаток рядом с подписью.

Астен подошёл ближе.

— Какие сведения она обязуется сохранять?

Писарь накрыла текст ладонью.

— Вы не сторона соглашения.

— Она подписывает его при участии подготовительной описи.

— Вы не участник.

— Тогда зачем вы показывали мой документ приставу у ворот?

Крайч вмешался спокойно:

— Пусть прочтёт. Господин Астен всё равно ищет тайну там, где есть лишь обычная служебная осторожность.

Писарь убрала руку.

Серая бумага была озаглавлена «Обязательство о тишине». Вея обязалась не обсуждать с посторонними лицами предмет описи, число построек, прежние названия дороги и станции, имена владельцев, происхождение хозяйственных записей, содержание предыдущих разговоров со службой и само существование обязательства. За соблюдение ей полагались две серебряные монеты сейчас и ещё две после окончания семилетнего срока. За нарушение требовалось вернуть всю сумму в десятикратном размере, а имущество подписавшего могло быть удержано до выплаты.

— Это не осторожность, — сказал Астен. — Вы платите за молчание о том, что платите за молчание.

— Мы возмещаем неудобство, — ответил Крайч.

— Почему второй платёж через семь лет?

— Чтобы обязательство исполнялось весь срок описи.

— А если подписавший умрёт?

— Право на выплату перейдёт наследникам.

Астен перечитал мелкие строки внизу. Там стояло не только право.

— Вместе с обязанностью.

Вея схватила лист.

— Что?

— Ваши наследники получают две монеты, если продолжают молчать. А если расскажут — долг перейдёт им.

— Мне сказали, дети получают остаток.

— Получат.

Крайч произнёс это так, словно Астен придирался к очевидному.

— И запрет получают, — сказала Вея.

— Тайна владения не перестаёт быть тайной после смерти свидетеля.

— У меня нет владения. Вы заставили написать.

— Тем более вам нечего терять.

Вея взяла монеты. Одну сжала в кулаке, вторую оставила лежать.

— Комната для картографа свободна, — сказала она. — За три медных. Корм отдельно.

— Вы только что сказали, что комнат нет.

— Теперь вспомнила.

Она ушла в кухню, не забрав второе серебро. Младший писарь поднял монету и догнал её. Через минуту вернулся без денег.

Тая стояла у открытого стойла и разговаривала с мальчиком-конюхом. На вид ему было лет шестнадцать, но длинные руки и усталое лицо делали его старше. Он чистил гнедую лошадь княжеской службы и отвечал Тае коротко, не переставая работать.

Астен вошёл в конюшню. На каждой стойке мелом был написан номер. Между третьей и пятой виднелось затёртое слово. Тая провела пальцем по остаткам букв.

— Здесь стояло название деревни, — сказала она.

Конюх ударил щёткой о стену.

— Не стояло.

— Мел забился в трещины. Слово было длиннее номера.

— Я не умею читать.

— Зато стёр ровно буквы.

Мальчик бросил щётку в ведро.

— Что вам надо?

— Узнать, откуда приводят лошадей, — ответил Астен. — Для карты дороги.

— С запада.

— Эта гнедая шла с востока. На подковах красная глина. Западный склон известковый.

— Тогда с востока.

— Из какой деревни?

— Не знаю.

Тая показала на верёвочный браслет у него на запястье. На нём висела плоская медная бусина с такой же пересечённой чертой, какая проступила на её знаке.

— Где взял?

Конюх спрятал руку за спину.

— Нашёл.

— Где?

— На дороге.

— Такой насечкой помечали общинную медь. Бусина не украшение. Ею считали долю с выпаса.

— Вы всё знаете?

— Нет. Поэтому спрашиваю.

Он посмотрел к дверям. Писари были заняты сундуком во дворе.

— Мать дала, — прошептал он. — Чтобы я не забыл дом.

— Название дома помнишь?

Конюх кивнул и тут же покачал головой.

— Иногда. По утрам лучше.

— Как тебя зовут?

— Савер.

— Тебе платили за тишину, Савер?

Он побледнел.

— Я ничего не подписывал.

— Отпечаток оставлял?

— Нет.

Тая взяла его за запястье, но не удержала, а повернула ладонь вверх. Под ногтем большого пальца осталась синяя краска.

— Чернила сходят за два дня, — сказала она.

Савер выдернул руку.

— Мне не было восемнадцати. Я не мог подписать.

— Поэтому отпечаток?

— Они сказали, это расписка за жалованье.

— Сколько?

— Серебряный. И место до весны.

Он сел на перевёрнутое ведро и закрыл лицо ладонями.

— Мать одна. Если меня выгонят, ей нечем платить за муку. Дорогу закрыли для обычных обозов, с востока никто не нанимает. Здесь хотя бы кормят.

— Что тебе запретили говорить? — спросил Астен.

— Я не знаю.

— Это важно.

— Мне велели отвечать, что лошадей приводят с запада. И не называть деревни. И не рассказывать, сколько людей ночует. Ещё не говорить про бумаги.

— Какие бумаги?

— Вот про это не говорить.

Он почти засмеялся, но получился сдавленный кашель.

— Если нарушу, заберут серебро и место. Мать тоже расписалась. Сказали, её долг за муку станет моим. Хотите, чтобы я всё рассказал, а вы завтра уехали? Вы уедете. Крайч останется.

Тая отпустила его руку.

— Не хотим.

Астен посмотрел на неё.

— Нам нужны сведения.

— Сведения нужны. Его голод нам не нужен.

— Если все посчитают так же, земля исчезнет.

— Если мы станем платить чужим голодом за нашу правду, чем мы лучше Крайча?

Савер поднял голову.

— Я могу показать, где бумаги. Только не говорите, что от меня.

— Это будет всё то же молчание, — сказал Астен.

— Зато мать не выгонят.

Астен хотел возразить, но остановился. Он впервые видел механику чар не как заклятие, наложенное одним сильным человеком, а как множество правильно рассчитанных цен. Серебряный Савера был мал рядом с княжескими доходами и огромен рядом с мешком муки. Две монеты Веи не покупали её согласие целиком. Они цеплялись за комнату, кухню, яблони, детей, ещё не вступивших в наследство. Каждый запрет был привязан к вещи, без которой человек боялся остаться.

Чары держались не на жадности. Они превращали правду в роскошь, которую могли позволить себе только те, за кого заплатит кто-то другой.

— Покажи место, — сказал он. — Мы не назовём тебя источником. Но всё, что найдём, должны будем проверить независимо.

Савер повёл их вдоль стойл. У последнего денника доски были свежими. За ними находилась узкая комнатка с лестницей на сеновал. Наверху пахло сухой травой, мышами и воском. Под стропилами стояли три запечатанных короба.

— Вчера привезли, — сказал Савер. — До этого держали в кухонном подполе. Вея велела перенести, когда услышала про опись.

— Кто переносил?

— Я и служащий с красным шарфом.

— Ключ?

— У писаря.

Астен осмотрел замки. На двух висели княжеские печати. Третий короб был стянут верёвкой без пломбы. Тая не коснулась крышки. Наклонилась, посветила в щель и достала из кармана тонкую медную пластинку.

— Что это? — спросил Астен.

— Бусина не единственная. Под коробом ещё три.

Они лежали в сене: две круглые, одна длинная, похожая на рыбью чешую. На каждой пересекались две насечки — прямая и короткая поперечная.

Тая приложила свой знак. Проступившая буква состояла из похожего пересечения, но шла с крючком внизу.

— Это метка деревни? — спросил Астен.

— Или рода. Или места выпаса. Я видела её раньше.

— Где?

— На материнском поясе. Наверное.

Она отвернулась от света, будто так воспоминание могло стать отчётливее.

— Не давите, — сказал Астен.

— Утром вы просили заставлять себя.

— Просил вспоминать действия, не слово.

Тая перебрала бусины.

— Весной женщины сдавали их старосте. За каждую корову одна круглая, за телёнка половинная. Длинная была... за общий луг? Нет. За вдову, которой стадо пасли всем селом. Мать носила семь круглых и одну длинную.

— Где их хранили зимой?

— В общинном ларце. Он пах смолой. Староста пересчитывал вслух.

— Имя старосты?

— Не помню.

— Не надо. Материал ларца, число отделений, место, где он стоял.

— Сосна. Три отделения. На лавке справа от печи. На крышке вырезана птица с длинным клювом.

Снизу хлопнула дверь.

Савер вздрогнул.

— Идут.

Тая вернула бусины точно на прежние места. Они спустились до того, как в конюшню вошёл пристав. Он приказал Саверу седлать лошадь Крайча и проводил гостей взглядом до двора.

К описи привели ещё троих. Первым был плотник с перевязанной кистью. Он подписал серый лист, не читая, получил три серебряных и сразу отдал их человеку в кожаном фартуке. Тот сделал отметку в долговой книжке.

Второй пришла молодая женщина с ребёнком. Увидев Крайча, она остановилась за воротами. Писарь сама вынесла ей бумагу. Женщина отказалась от денег, но приложила палец к листу.

Третьим оказался старик в добротном синем кафтане. Он долго торговался и получил восемь монет. После подписи потребовал ещё одну за сведения о мельничном отводе. Крайч отказал. Старик пожал плечами и спросил, когда служба выдаст ему право на освободившийся участок.

Астен записывал последовательность действий, не имена. Тая считала монеты и свидетелей.

— Плотник молчит из-за долга, — сказала она. — Савер из-за места. Старик хочет долю. А женщина даже денег не взяла.

— Надо спросить почему.

— При Крайче она не ответит.

Женщина ушла к реке. Ребёнок сидел у неё на бедре и держал деревянную лодочку. Тая направилась следом одна. Астен остался у стола, где младший писарь складывал обязательства в отдельную папку.

На обложке папки стояло: «Возмещения свидетелям». Ни слова о тишине.

— Сколько таких выплат сделано? — спросил Астен.

— Сведения служебные.

— Это расходы палаты или княжеской службы?

Писарь посмотрел на Крайча. Тот разговаривал с приставом возле ворот.

— Смешанные, — тихо ответил юноша.

— Что значит смешанные?

— Первые выплаты шли из задатка палате. После печати распорядителя — из службы.

— Значит, Мирела платила свидетелям до договора?

— Я этого не говорил.

— Вы сказали «первые».

Писарь прижал папку к груди.

— Отойдите.

— Как определяют цену?

— Не знаю.

— Вея получила две, плотник три, старик восемь. Савер — одну и работу. Цена зависит от важности сведений?

— От возмещения риска.

— Чьего?

Юноша отвёл взгляд.

— Службы.

Астен увидел внутри папки цветные полосы. На серых листах были наклеены узкие бумажки: зелёные, жёлтые и красные. Лист Вей получил жёлтую. Обязательство старика — красную.

— Красным отмечают тех, чьи слова могут доказать владение?

— Я не обязан объяснять.

— Зелёным — тех, кто знает только дорогу. Жёлтым — хозяйственные следы. Красным — имена и права.

Писарь захлопнул папку. По его испугу Астен понял, что угадал не всё, но подошёл близко.

Крайч обернулся.

— Господин Астен, вы мешаете работе.

— Я наблюдаю опись.

— Ваше разрешение закончилось.

— Тогда дайте письменный отказ продолжать.

— Чтобы вы предъявили его каждому встречному как доказательство заговора?

— Чтобы было ясно, кто и когда остановил проверку.

Крайч подошёл к столу и сам взял чистый лист.

— Я не боюсь подписи.

Он написал несколько строк: Астону, названному картографом палаты, запрещалось продолжать путь до подтверждения полномочий. Возле имени оставили пустое место для фамилии. Крайч поставил печать и протянул лист.

— Достаточно ясно?

— Почти. Укажите, где я должен подтверждать полномочия.

— В столице.

— В какой палате?

— В княжеской службе земель.

— У кого?

Крайч вписал собственное имя и должность.

— Вы отправляете меня подтверждать право у человека, который находится передо мной и уже отказал.

— Теперь совсем ясно.

Астен сложил лист. Отказ был полезнее устной угрозы: он подтверждал, что служба признавала дорогу достаточно реальной, чтобы запретить по ней движение.

Тая вернулась одна. Лицо у неё было мрачным.

— Женщину зовут Лена, — сказала она, когда они отошли к карете. — Её муж видел землемеров у деревенского луга и рассказал соседям. Через неделю его задержали за кражу княжеского кола. Она подписала, потому что Крайч обещал перевести его из дорожной ямы в обычную тюрьму, где можно передавать еду.

— Это вымогательство.

— На бумаге про мужа ничего нет. Денег она не взяла, поэтому будет считать, что ничего не продала.

— Но согласилась молчать.

— Чтобы ребёнок увидел отца живым.

Астен посмотрел на серые листы. В его прежнем представлении свидетель либо говорил правду, либо скрывал её. На карте такая разница обозначалась чётко: надёжная линия, слабая линия, отсутствие сведений. Здесь между правдой и молчанием помещались мука, тюрьма, работа, дом, наследуемый долг и право кормить близкого человека. Крайч не заставлял всех одинаково. Он находил для каждого отдельную дверцу и закрывал её на отдельный ключ.

— Одни деньги не держат заклинание, — сказал Астен.

— Наконец-то.

— Серебро — знак сделки. Настоящая цена рядом: долг, должность, свобода родича, надежда получить участок. Люди берут монету, и обязательство выглядит добровольным. Но отказаться можно только вместе с тем, чего они боятся лишиться.

— И что вы нанесёте на карту? Страх тремя цветами?

— Сначала способ оплаты. Все бумаги проходят через одну папку. Все обещания привязаны к сроку описи. Все требуют молчать о самом обязательстве. Это уже не отдельные просьбы.

— Папку вам не дадут.

— Она не единственный след. Деньги должны быть записаны в счёте. Вея получила две монеты, Савер одну, плотник три, старик восемь. Лена отказалась. Если сумма расходов не совпадёт с выданным серебром, есть скрытые выплаты. Если совпадёт — есть хозяйственное доказательство системы.

— Счёт тоже в коробе?

— Или в дорожной казне.

Тая посмотрела на писарские телеги. Под сиденьем одной висел окованный ящик.

— Не украдём.

— Не украдём. Попросим расписку за корм и постой княжеских лошадей. Вея ведёт свою книгу. Служба должна подтвердить расход.

Они нашли хозяйку на кухне. Вея месила тесто с такой силой, будто хотела раздавить стол.

— Вы записываете плату за постой? — спросил Астен.

— Записывала.

— Где книга?

— Не знаю.

— Вея, мы видели короба на сеновале.

Она прекратила месить.

— Савер показал?

— Мы нашли хозяйственные следы. Его имя не имеет значения.

— Для вас, может, и не имеет. Для Крайча имеет.

— Нам нужен не короб. Выпишите службе счёт за лошадей, еду и комнаты. Они должны принять его или письменно отказаться.

— Зачем?

— Чтобы связать станцию с людьми и расходами. Невозможно объявить её бесхозной и одновременно платить за содержание описи.

Вея вытерла руки.

— Они не платят.

— Совсем?

— Пишут в долг станции. Потом обещают вычесть из будущей аренды.

— Какой аренды, если владельца нет?

— Вот и я спрашивала.

— У вас остались прежние счета?

Вея засмеялась без радости.

— Вы хотите всё сразу. Имя станции, хозяина, старые счета, людей из деревень. А мне потом жить под этой крышей.

— Я не прошу отдать книгу.

— Пока.

Она вымыла руки, вынула из-за печи два полена и нащупала в стене узкую дверцу. Оттуда достала дощечку с насечками.

— Бумагу они забрали. Я считала по-своему. Длинная зарубка — серебряный, короткая — медный. Косая — долг. Крест — заплатили.

Почти все зарубки последнего месяца были косыми.

— А круглые выемки? — спросила Тая.

— Люди, за которых не брала. Беглые, вдовы, дети. Кто мог — потом отдавал работой.

На краю дощечки повторялся знак из двух пересечённых черт. Тая положила рядом медный знак.

— Почему это здесь?

Вея посмотрела сначала на насечку, потом на лицо Таи.

— Так отмечали тех, кто шёл с верхнего луга. Им полагалась одна бесплатная ночёвка в месяц: они чинили мост после паводка.

— Как называлось их селение?

Вея открыла рот и не произнесла ни звука. Рука сама потянулась к карману, где лежали две серебряные монеты.

— Не могу.

— Не хотите или не помните?

— Помню начало. Если скажу, дети получают мой долг.

— Мы не просим произносить.

Тая взяла дощечку, но Вея удержала её.

— Не унесёте.

— Скопирую знак.

— Они увидят.

Астен достал бумагу и накрыл только край дощечки. Натёр сверху мягким углём. На листе проступили пересечённая черта и три соседние зарубки.

— Мы не запишем, откуда копия, пока не найдём второй источник.

Вея отпустила дощечку.

— Начиналось на «Руд», — сказала она очень тихо. — Или на «Род». Дальше словно язык немеет.

Тая закрыла глаза.

На медном знаке после «Ру» уже была тонкая буква. Теперь её нижний крючок проступил яснее. Это была «д».

— Руд... — повторила Тая.

Стёкла в кухонном окне задрожали. В печи осыпалась зола, хотя огонь горел ровно. Снаружи заржали лошади.

Астен быстро положил ладонь на знак.

— Не продолжайте. У нас один голос и один хозяйственный след. Этого мало.

Тая открыла глаза.

— Я вспомнила красную пыль на пороге. У нас выше луга был старый рудник. После дождя ручей становился бурым.

— Это наблюдение, не название. Запишем отдельно.

Вея отступила к стене.

— Уходите. Я уже сказала больше, чем должна.

— Вы сказали не название, — ответил Астен. — Вы показали насечку и вспомнили начало. Если спросят, не лгите. Скажите ровно это.

— А долг?

— Не обещаю, что его не потребуют. Но обязательство подписано после угрозы лишить вас дома и работы. Мы это видели.

— И кто поверит вашему слову?

Астен посмотрел на свою подпись в полевом журнале. Фамилия там становилась всё бледнее.

— Одного моего слова будет мало. Поэтому мы найдём других.

Во дворе Крайч уже собирался уезжать. Чёрная табличка висела над воротами, закрывая старые отверстия от другой вывески. Служащие забрали серые листы, но два чистых забыли на столе. Астен не взял их. Вместо этого переписал видимые одинаковые строки и оставил пустыми те, которых не видел.

— Вы возвращаетесь в столицу? — спросил Крайч.

— Вы мне это приказали.

— Рад, что хоть одно распоряжение оказалось понятным.

— Я поеду, когда закончу измерять первую станцию.

— Что здесь измерять?

— Четыре комнаты, двенадцать стойл, шесть вёдер, два месяца неоплаченного постоя, людей с восточной красной глиной на обуви и расходы на молчание, которые вы называете возмещением.

Крайч застегнул перчатку.

— Вы снова принимаете разрозненные подробности за доказательство.

— Нет. Пока это подробности. Доказательством станет их совпадение в независимых книгах.

— Которых у вас нет.

— Поэтому вы их запираете.

— Поэтому книги запирают от людей, готовых увидеть заговор в счёте за овёс.

Он сел в седло и наклонился к Астену.

— Ваша сестра поняла простую вещь. Иногда молчание сохраняет больше жизней, чем громкая правда. Шесть служащих палаты сегодня не лишились работы. Вея останется в доме.

Этот мальчик будет получать еду. Женщина у реки сможет передать мужу хлеб. Вы предлагаете им рискнуть всем ради поселений, которые через семь лет могут не возникнуть.

— Поселения уже есть.

— Тогда почему вы не можете назвать их?

Крайч тронул лошадь. Писарские телеги одна за другой вышли со двора. Савер держал ворота и не поднял головы.

К вечеру Астен и Тая сняли размеры станции. Вея всё-таки дала им комнату с двумя узкими кроватями, но потребовала заплатить вперёд. Астен попросил расписку. Она выругалась, затем выписала её на обрывке мешочной бумаги: «За ночлег двух участников описи получено шесть медных». Подпись поставила полностью: Вея, смотрительница первой станции. Названия места не было.

Они разложили записи на полу, чтобы ни одна не касалась другой. Астен выписал отдельно то, что видел сам: цветные метки на обязательствах, суммы, условия наследования запрета, слова младшего писаря о смешанных расходах. Тая записала разговор с Леной, не называя женщину до её согласия. На третьем листе лежали сведения Савера: красная глина, лошади с востока, бусины под коробом, работа за серебряный и место. Четвёртым была копия насечки с дощечки Веи.

— Это ещё не независимые источники, — сказала Тая. — Все встретились на одной станции.

— Но они подтверждают разные части. Вея знает хозяйство и начало названия. Савер — деревню, лошадей и выплаты. Лена — связь молчания с мужем. Плотник показал передачу серебра кредитору. Писарь подтвердил источник денег.

— Писарь откажется.

— Тогда останется устройство папки и счёт казны.

Тая положила рядом свой медный знак. Теперь на нём читалось «Тая Руд...» — последняя буква была слабой, но несомненной.

— Может быть, это не имя, — сказала она. — Может, деревня. Тая из Руд...

— Или род.

— Или чужая метка, которую мать носила на поясе.

— Не будем дополнять.

Она провела ногтем по букве.

— Мне хочется сказать первое слово, которое подходит. Лишь бы пустота кончилась.

— На это и рассчитывает заклинание. Удобное продолжение становится правдой, если его повторить достаточно раз.

— Вы говорите так, будто не мечтаете дописать фамилию на своём разрешении.

Астен достал отказ Крайча. Возле имени оставалось пустое место.

— Мечтаю. Поэтому не буду.

Снизу донёсся стук. Вея приоткрыла дверь и поставила на порог миску с тушёной репой.

— Савер ушёл, — сказала она.

— Куда?

— Не знаю. После вас пристав спрашивал, кто лазил на сеновал. Мальчик услышал и сбежал через яблони.

Тая поднялась.

— У него здесь мать.

— Не здесь. На верхнем лугу.

— В селении со знаком?

Вея кивнула.

— Если пойдёт прямо, к утру будет у старого рудничного ручья. Но дорога туда теперь не совпадает сама с собой. Днём поворот после двух сосен, ночью — после каменного столба. Вчера служащие переставили столб.

— Зачем?

— Чтобы обозы приходили к новой переправе и платили княжескую пошлину.

Астен взглянул на семилетник. Прибор лежал закрытым, но под крышкой тихо звенела игла.

— Савер знает путь?

— Знал утром.

Тая уже надевала плащ.

— Если его поймают, заставят вернуть серебро.

— И долг матери, — добавил Астен.

— Мы не можем оставить его одного.

— Крайч приказал вернуться на запад.

— Вот и возвращайтесь.

Она сказала это без упрёка, как простую развилку. Астен свернул листы, разделил их на два пакета и один протянул ей.

— Пойдём пешком. Карета на переставленной дороге выдаст нас раньше, чем мы увидим столб.

Вея стояла в дверях.

— Я не говорила вам, куда он пошёл.

— Вы сообщили о ручье, двух соснах и переставленном камне, — ответил Астен. — Направление мы определим сами.

— И это спасёт меня от долга?

— Не знаю.

Он не стал обещать. В эту ночь честность состояла не в красивой клятве, а в точной границе того, что он мог сделать.

Во дворе погасили фонарь. Над чёрной табличкой проступило старое название, но только на миг: две первые буквы и след от резной птицы. Астен не успел их прочесть. Тая заметила не буквы, а направление птичьего клюва — на восток, к верхнему лугу.

Они вышли через яблоневый сад. За изгородью начинались две колеи. Одна была свежей, широкой и уходила к новой переправе. Вторая заросла травой, но на красной глине отпечатался босой след Савера.

Астен раскрыл семилетник. Игла металась между дорогами. На новой колее проступала ровная княжеская линия с заставой и пошлинным домом. Старая то исчезала, то возвращалась и дальше раздваивалась среди тёмных склонов.

— Какую показывает верной? — спросила Тая.

— Обе возможны.

— А где мальчик?

Астен закрыл прибор.

— Это узнают не у будущего.

Тая опустилась на колено и коснулась земли. На траве блестела роса, но один стебель был сломан недавно. Чуть дальше на камне осталась синяя точка от большого пальца.

Они пошли по старой дороге, которую серебро ещё не успело заставить замолчать.

Глава 6. Первая дорога в никуда

Синий след на камне был величиной с чечевичное зерно.

Тая нашла второй через двадцать шагов — на нижней стороне папоротника, куда человек не стал бы ставить метку нарочно. Значит, Савер шёл торопливо, касался стволов и камней левой рукой, а испачканный большой палец оставлял за ним редкую цепочку.

Старая колея поднималась вдоль склона. Справа шумела река, хотя в темноте воды не было видно. Слева росли сосны, и между ними краснели обнажения глины. Астен отсчитывал шаги, записывал повороты и через каждые двести ставил на полях время. Тая шла впереди, пригибая ветви.

До двух сосен они добрались меньше чем за час. Деревья росли из одного корня, одно прямое, второе наклонённое над дорогой. Между стволами кто-то недавно протаскил цепь: кора была содрана, в смоле застряли железные опилки.

— Здесь стоял знак, — сказала Тая.

В земле осталась прямоугольная яма. Рядом валялись каменные крошки.

— Столб не переставили, — ответил Астен. — Его вытащили отсюда и увезли.

Он измерил яму и зарисовал скол. Если им попадётся тот же камень дальше, совпадение основания покажет перенос независимо от слов Веи.

За соснами колея разделялась. Левая ветвь продолжала подъём. Правая спускалась к реке и выглядела гораздо свежее: кусты вырублены, канавы прочищены, на повороте насыпана щебёнка. В темноте различие казалось простым. Но синий след Савера нашёлся именно на свежей дороге.

— Он пошёл к новой переправе, — сказал Астен.

Тая присела у следа.

— Нет.

— Чернила его.

— Чернила его. Отпечаток слишком ровный. Он ткнул пальцем в камень, а не опёрся на него.

— Метил путь?

— Или хотел, чтобы мы подумали, будто он свернул.

На старой ветви следов не было. Трава стояла почти не примятая.

— Савер знает, что его могут искать, — продолжила Тая. — Если пристав спросил про сеновал, мальчик ждёт погони.

— Откуда он знает, что идём мы, а не пристав?

— Никак.

Они замолчали. Решение нельзя было получить из одной синей точки.

Астен открыл семилетник. Игла дрогнула и указала на новую дорогу. На стекле проступила тонкая линия, ведущая к реке, где через несколько лет должен был вырасти пошлинный двор. Старая колея показалась бледной, прерывистой, без продолжения за первым поворотом.

— Прибор выбирает новую, — сказал он.

— Прибор показывает, куда вкладывают труд и власть.

— И где пройдёт большинство.

— Нам нужен один мальчик.

Тая сорвала длинную травинку со старой дороги. На месте разрыва выступил сок. Чуть дальше нашла ещё одну сломанную траву, затем третью.

— Здесь шли, — сказала она. — Осторожно, ставя ногу вдоль колеи. Савер хотел скрыться.

Они поднялись по старой ветви. Через сто шагов шум реки исчез. Не ослабел постепенно, а оборвался, будто кто-то закрыл дверь. Астен остановился.

— Мы не могли уйти так далеко от воды.

— Склон заслонил.

— По моим измерениям река должна быть в трёхстах шагах справа.

Тая бросила камешек вниз. Они услышали два удара о землю, потом тишину.

— Может, обрыв.

— На карте нагорье без обрыва.

— На какой карте?

Вопрос прозвучал резче, чем требовалось. Астен убрал восточный лист в футляр. Здесь старая карта отрицала долину, семилетник отдавал предпочтение будущей платной дороге, а непосредственный звук пропал. Оставались ноги, уклон и расстояние.

Он достал мерную нить. Тая привязала конец к двойной сосне, и они прошли ещё сотню шагов. Нить натянулась, подтвердив расстояние. Склон уходил вниз вправо. Река должна была быть там, даже если молчала.

Впереди мелькнул огонёк.

— Савер! — позвал Астен.

Тая закрыла ему рот ладонью.

Огонёк остановился.

— Зачем? — шепнул он.

— Если это он, теперь знает, что мы близко. Если не он — тоже знает.

Свет метнулся между деревьями и исчез. Они ускорили шаг. Колея свернула, вышла на небольшую поляну и закончилась у заросшего каменного карьера.

Ни дороги, ни человека впереди не было.

Астен проверил направление по компасу. Они шли на восток, затем повернули на северо-восток. Карьер лежал севернее двух сосен, но Вея говорила о старом рудничном ручье и верхнем луге дальше по дороге.

— Мы свернули не там, — сказала Тая.

— Развилка была одна.

— Значит, пропустили вторую.

Они вернулись по натянутой нити. До двух сосен расстояние совпало шаг в шаг. Ни одного ответвления между ними не нашлось. Слева стеной стояли молодые ели, справа склон падал к невидимой реке.

Тая раздвинула еловые ветви. За ними обнаружилась ещё одна колея, такая же старая и травянистая. Она шла почти параллельно той, по которой они пришли.

— Здесь не было прохода, — сказал Астен.

— Был. Мы смотрели на дорогу, не на лес.

— Я отмечал каждую просеку.

— Отметили эту?

В журнале между двойной сосной и первым поворотом стояло: «Слева густой ельник без проезда».

Астен провёл ладонью по молодым стволам. На одном кора была содрана колесом не раньше нынешнего лета. Проезд существовал. Он видел его и записал противоположное.

— Кто-то подсказал мне, что дорога одна, — произнёс он.

— Вея сказала: днём поворот после двух сосен, ночью — после каменного столба.

— И мы стали искать выбор только возле сосен или столба.

— А Савер оставил синюю точку на новой дороге.

Астен вспомнил, как на станции люди называли путь то верхним, то старым, то дорогой к руднику. Ни один не дал полного маршрута. Слухи не были ложью. Каждый вырывал из дороги

один признак, а слушатель достраивал остальное. Чем увереннее он соединял обрывки, тем легче пропускал видимое.

- Не повторяем чужих указаний, — сказал он. — Описываем только то, что перед нами.
- Перед нами две колеи.
- Вторая идёт восточнее. На ней свежий след колеса и сломанные ели.
- И отпечаток босой ноги.

Тая показала на красную глину. След был узким, с длинным вторым пальцем. Такой же они видели у изгороди станции.

Они смотали нить с первой колеи и привязали её к ветке у скрытого проезда. Через несколько шагов нашли ещё один босой след, затем пятно синих чернил на молодой хвое.

Дорога вывела их к каменному столбу.

Он стоял посреди колеи на свежей земле. Основание было обломано. Астен приложил зарисовку скола: линии совпали. Камень привезли от двойной сосны и поставили сюда, на старый путь, превратив указатель в преграду.

На лицевой стороне недавно вырезали стрелу вправо. Она указывала в лес, где не было дороги.

- Ночью путник увидит столб и поверит стреле, — сказала Тая.
- Днём заметит колею.
- Если не услышит заранее, что старый путь закрыт.

За столбом дорога спускалась. Шум воды вернулся одним ударом, громкий и близкий. Река была там, где показывали измерения. Её прятал не склон, а тишина — странная, вязкая полоса воздуха вокруг ложного пути.

Астен шагнул обратно. За столбом вода снова умолкла. Он поднял камень и бросил вниз. Звук падения пришёл приглушённым, будто через толстую ткань.

- Заклинание касается не только слов, — сказал он.
- Молчание бывает и в ушах.
- Или мы перестаём замечать то, о чём договорились не говорить.

Тая постучала посохом по столбу. Звук был обычным.

- Тогда почему я слышу это?
- Потому что столб служба хочет показать. Реку — нет.

Он записал наблюдение, но пометил вопросом. Одного опыта было мало.

За спуском старая дорога пересекала ручей. В лунном свете вода казалась чёрной, однако на камнях осел красный налёт. Тая зачерпнула ладонью, понюхала.

- Железо.
- Рудничный ручей?
- Один из них.

На противоположном берегу виднелись следы Савера. Здесь он обулся: босые отпечатки сменились тонкими подошвами. Вероятно, нёс башмаки, чтобы не шуметь по сухой хвое.

Они перешли воду по плоскому камню. На середине Тая остановилась.

- Не наступайте сюда.

Край камня был подпилен снизу. Под весом двух людей он мог отколоться. Астен посветил фонарём ниже и увидел в потоке остатки старого настила. Мост разобрали, удобный брод сделали опасным.

- Это уже не слух, — сказал он.
- Нет. Это работа топором.
- С другого берега донёсся крик.
- Короткий, оборванный.

Тая побежала первой. Дорога поднялась на осыпь, где красная глина сменялась серым камнем. Впереди метался огонёк. Теперь Астен различил не фонарь, а горящую ветку. Кто-то размахивал ею над головой.

— Здесь! — крикнул Савер. — Не идите по краю!

Почва под Таей просела. Она успела вонзить посох, но пласт глины поехал вниз вместе с травой. Астен схватил её за ремень. Сам упал на колено и ударился плечом о камень. Под ногами зашуршала осыпь.

— Назад! — крикнул мальчик. — К сосне!

Справа темнел толстый корень. Астен перебросил через него мерную нить, обмотал вокруг запястья и потянул Таю. Она нашла опору носком, оттолкнулась и выбралась на твёрдый участок.

Ниже глина сорвалась в овраг. Несколько секунд они слышали удары камней, потом снова наступила тишина.

— Цела? — спросил Астен.

— Посох сломан.

Нижняя половина исчезла вместе с осыпью. Тая сжимала обломок обеими руками.

— Нога?

— Цела.

Савер стоял на другой стороне промоины. Его куртка была порвана, на щеке темнела кровь.

— Я кричал раньше, — сказал он. — Вы не слышали.

— Сколько раз?

— Три. Потом вернулся сюда.

— Зачем зажёг ветку?

— Свет иногда видно, когда голос пропадает.

Тая поднялась.

— Как ты перебрался?

— До обвала. Край ещё держался.

Промоина была слишком широкой для прыжка. Слева склон уходил вверх, справа обрывался к реке. Чтобы соединиться, кому-то пришлось бы возвращаться до ручья и искать обход.

— Иди к матери, — сказала Тая. — Мы обойдём.

— Не могу. Дальше дорога пропала.

— Что значит пропала?

— Там овечья тропа и старый рудник. Я помнил поворот, пока был на станции. Дошёл — нет поворота. Вернулся, а этот склон рухнул.

— Стой на месте, — сказал Астен.

Он достал журнал и начал зарисовывать промоину. Если они разойдутся, точные ориентиры помогут вернуться друг к другу. Тая посмотрела на него так, будто он решил переписать камни, пока мальчик замерзал.

— Это не задержка, — сказал Астен. — Должны знать, где он.

— Он напротив нас.

— Сейчас.

Савер опустил горящую ветку. Ветер понёс искры к сухой траве.

— Потуши! — крикнула Тая.

Мальчик бросил ветку и затоптал. В темноте его фигура исчезла. Только красные угольки отмечали другой край.

Астен закончил схему, вырвал копию и завернул в промасленную ткань. Один экземпляр оставил у корня сосны под камнем.

— Зачем? — спросила Тая.

— Если память о промоине исчезнет, останется запись на месте.

— А если исчезнет место?

— Тогда не поможет ничего из того, что у нас есть.

Они вернулись к ручью. Тая шла медленнее, опираясь на короткий посох. Возле подпленного камня она остановилась.

— Здесь можно спуститься вдоль воды и подняться к Саверу снизу.

— Ночью по руслу?

— Лучше, чем искать поворот, которого никто не помнит.

Астен посветил вниз. Берега сужались, вода бежала между валунами. Через сотню шагов русло падало уступом.

— Если там водопад, обратно не поднимемся.

— Вернёмся на станцию за верёвкой — Савера утром возьмут приставы.

— Мы можем обойти сверху.

— Для этого нужна дорога.

Они услышали далёкий стук копыт. Со стороны станции ехали несколько лошадей. Свет фонарей пока не был виден, но железо звенело на камнях.

— Уже ищут, — сказала Тая.

Астен снял футляр с восточным листом и полевой сумкой. Спускаться с ними по мокрому руслу было опасно. Если он упадёт, вода унесёт журнал, записи о выплатах и единственную карту с белой долиной. Оставить сумку у дороги означало отдать всё приставам.

— Возьмём только копии, — сказала Тая.

— Основной журнал должен остаться со мной.

— Тогда не пролезете.

— Пролезу.

— И будете держать сумку вместо руки, когда я снова поеду вниз?

Он не ответил.

Тая сняла с него футляр.

— Прячем отдельно. Если нас поймают, хотя бы записи останутся.

— Здесь всё найдут.

— Не всё.

Она вернулась к ручью, сунула руку под подмытый корень и вытащила комья старой хвои. Там была сухая полость. Футляр поместился целиком. Журнал Астен завернул в промасленную ткань и положил рядом. С собой оставил лист с маршрутом, копию знака и отказ Крайча.

— Если вода поднимется, — сказал он, — корень затопит.

— Если приставы найдут нас с журналом, его затопят в чернильнице раньше.

Стук копыт приближался.

Они вошли в ручей.

Вода доходила до колен и была ледяной. Камни скользили. Тая проверяла дно обломком посоха, Астен держал её за пояс на уступах. Через двадцать шагов ручей стиснуло между стенами. Пришлось идти боком.

Сверху показался свет.

— Следы к воде, — сказал мужской голос.

— Двое, — ответил другой. — Мальчишка прошёл раньше.

Тая приложила палец к губам. Они замерли под нависающим камнем. Вода била Астена в голени, мышцы начинало сводить.

— Вниз не полезли бы, — сказал первый голос. — Там старый сброс.

— Крайч велел найти журнал.

— Мальчишка взял?

— Картограф. В бумагах выплаты.

Свет задержался над ручьём. Астен чувствовал, как Тая дрожит — от холода или ярости. Теперь у них было независимое подтверждение: искали не беглого работника, а записи о выплатах.

Копыта удалились вверх по дороге. Они подождали ещё, затем продолжили спуск.

Старый сброс оказался не водопадом, а деревянным жёлобом, по которому когда-то отводили воду к промывочным корытам. Доски сгнили, но каменные стенки сохранились. Ручей падал на четыре локтя.

— Спускаюсь первой, — сказала Тая.

Она села на край и нащупала ногой выступ. Обломок посоха соскользнул и исчез в темноте.

— Теперь совсем без него.

Астен лёг на живот и опустил её за руки. Когда её пальцы разжались, он услышал плеск.

— Есть дно?

— По пояс. Прыгайте левее.

Он спустился, цепляясь за камень, но нога сорвалась. Ударился боком, ушёл в воду с головой. Тая вытащила его за воротник.

Лист с маршрутом промок по краям. Отказ Крайча остался сухим во внутреннем кармане. Астен прижал бумагу к груди.

— Выбрали мальчика вместо записей, — сказала Тая.

— Записи спрятаны.

— Если найдём обратно.

Ни один из них не добавил «когда».

Ниже сброса русло стало спокойнее. На песке попадались кусочки чёрного шлака. Вскоре слева открылся низкий ход, укреплённый обугленными брёвнами. Старый рудник.

У входа лежал башмак Савера.

Тая подняла его. Внутри была сухая трава, а на пятке — свежая кровь.

— Он ранен.

— Или оставил след.

— На этот раз не будем выбирать между догадками.

Они осмотрели песок. След босой правой ноги уходил в рудник.левой — в башмаке — шёл вдоль ручья. Через несколько шагов оба пропадали на камнях.

— Разулся из-за раны, — сказал Астен.

— Или снова разделил погоню.

Из рудника тянуло сухим тёплым воздухом. В глубине что-то стукнуло.

Тая вошла первой. Без посоха она держала в руке камень. Астен зажёл короткую свечу и прикрыл ладонью.

Ход уходил неглубоко. Через двадцать шагов они нашли старую выработку с обвалившимся потолком. На стенах краснели жилы руды. В углу сидел Савер.

Он прижимал к груди полотняный свёрток.

— Вы всё-таки пошли за мной, — сказал он.

— Нога? — спросила Тая.

— Порезал у ручья.

— Покажи.

Рана на пятке была длинной, но неглубокой. Тая промыла её водой из фляги и перевязала полосой от собственной нижней рубахи.

— Что в свёртке? — спросил Астен.

Савер отодвинулся.

— Моё.

— Мы не отнимем.

— Так писарь тоже говорил про место.
Снаружи снова слышались голоса. Приставы добрались до сброса.
Тая погасила свечу пальцами.
— Есть другой выход?
— Был. К верхнему лугу. Я его не нашёл.
— Ты жил здесь?
— Мать водила. В детстве.
— Вспомни не поворот, а что делал по дороге.

Савер молчал.

— Было темно? — спросила Тая. — Ты шёл сам или тебя несли?
— Сам. Держался рукой за стену.
— За какую?
— За левую.
— Что чувствовал?

— Сначала камень гладкий. Потом царапал ладонь. Потом было холодно.

Астен провёл рукой по левой стене. Камень был шероховатым от следов кирки. Они вернулись немного назад. В одном месте стена стала гладкой, будто отполированной плечами. Дальше снова пошли острые насечки. Из узкой трещины тянуло холодом.

— Здесь, — сказал Савер. — Но прохода нет.

Трещина была шириной в ладонь. Тая ощупала края и нашла деревянную стойку, замазанную красной глиной. Вместе они вытащили несколько камней. За ними оказалась низкая штольня.

— Её заложили недавно, — сказал Астен. — Глина ещё влажная.
— Служба? — спросил Савер.
— Не знаем.
— Кто ещё станет закрывать дорогу домой?

Голоса у входа стали громче. Кто-то зажёл фонарь.

Тая протолкнула Савера в штольню. Астен полез следом. Проход оказался настолько низким, что пришлось двигаться на локтях. Камни рвали одежду. Позади скрипнула обувь пристава.

— Здесь были, — сказал голос. — Свечой пахнет.

Тая, ползшая последней, подтянула к отверстию вынутые камни. Полностью закрыть ход не успевала. Астен вернулся, помог поставить деревянную стойку и навалить перед ней обломки. Осталась щель, через которую проникала полоска света.

— Картограф! — позвал пристав. — Крайч не обвиняет вас. Верните служебные записи, и сможете уйти на запад.

Астен молчал.

— Мальчишке тоже ничего не будет. Он несовершеннолетний. Ответит мать.

Савер дёрнулся. Тая прижала его к земле.

— Они нашли её? — прошептал он.
— Не знают, где она, — ответила Тая.
— Знают. На бумаге было место.
— Ты читал бумагу?
— Не умею.

За камнями пристав продолжил:

— Савер, твоя мать сама согласилась отвечать за тебя. Не делай её должницей.

Мальчик начал разворачивать свёрток. В нём лежали две серые бумаги и маленькая приходная книжка.

— Я взял из короба, — признался он. — Пока вы говорили с Веей. Моя расписка и мамина.

Астен почувствовал одновременно облегчение и страх. Прямое доказательство было у них, но теперь Крайч мог назвать всё расследование кражей.

— Отдай, и он отпустит мать, — сказал Савер.

— Не отпустит, — ответила Тая.

— Откуда знаете?

— Не знаю. Но он уже солгал тебе про жалование.

— Если не отдам, долг точно повесят на неё.

Астен взял серый лист. Внизу рядом с отпечатком Савера стояло имя поручителя. Чернила расплылись, но читалось: «Мать — Руда Вель...» Дальше буквы были соскоблены.

Тая увидела строку и замерла.

— Руда, — прошептала она.

На её медном знаке было «Тая Руд...».

— Это имя женщины, — сказал Астен. — Не обязательно ваше.

— Может быть названием рода.

— Может. Но пока у нас одна бумага и похожая метка.

Савер потянулся за листом.

— Верните.

Астен отдал.

— Решение твоё. Бумаги принадлежат не нам.

— Если я отдам, вы останетесь без доказательств.

— У нас есть то, что мы видели, копия формы, суммы и слова приставов о журнале. Меньше, чем хотелось бы. Но твоя мать не должна платить за нашу карту без своего выбора.

Савер свернул бумаги. В темноте слышалось его неровное дыхание.

Пристав за стеной ударил по камням сапогом.

— Последний раз предлагаю добровольно!

Савер сунул книжку Астену.

— Это не мамина. Здесь только суммы. Возьмите. Расписки я отдам, если он поклянется при Вее, что долг закрыт.

— Он может поклясться и солгать.

— Тогда Вее будет слышать.

Для Савера независимый свидетель значил больше печати. Астен спрятал книжку во внутренний карман.

— Идём, — сказала Тая.

Они поползли дальше. Штольня постепенно поднималась. Холод усиливался, затем впереди запахло мокрой травой. Проход вывел под корни поваленного дерева.

Снаружи начинался рассвет.

Верхний луг лежал перед ними широкой тёмной полосой. На противоположном склоне стояли дома — не призрачные и не будущие, а старые, с покосившимися крышами и садами. Из труб шёл дым. Между домами двигались люди.

Савер поднялся в полный рост.

— Домой.

Он сказал это уверенно, но не назвал селение.

Тая смотрела на крайнюю улицу. Потом подняла руку и указала на низкое строение возле ручья.

— Общинный дом. Печь слева. Лавка справа. Ларец должен быть там.

— Вы здесь были? — спросил Савер.

— Не знаю.

На крыше строения торчала деревянная птица с длинным клювом.

Астен вынул лист и отдельно записал увиденное. Тая продиктовала свои признаки, не глядя в его строку. Савер назвал строение домом схода и подтвердил, что в нём хранят медные доли выпаса.

Три наблюдения совпали, но название по-прежнему оставалось пустым.

Внизу, у старой дороги, закричали приставы. Они нашли второй выход или увидели фигуры на лугу.

Из крайнего дома выбежала женщина в сером платке. Савер бросился к ней. Она обняла его, затем ударила ладонью по затылку и снова прижала к себе.

Тая не пошла следом. Стояла у поваленного дерева, глядя на птицу над общинным домом.

— Вы узнаете её? — спросил Астен.

— Узнаю то, что уже вспомнила ночью. Этого недостаточно.

— Верно.

— Ненавижу, когда вы правы.

— Я тоже.

Он открыл приходную книжку Савера. На первой странице значились выплаты без имён: зелёные, жёлтые, красные, как полосы на обязательствах. Напротив каждой стояла сумма, а рядом — знак места. Пересечённая черта повторялась девять раз. Внизу был итог: двадцать семь серебряных и шесть медных.

На следующей странице та же сумма проходила как «исправление дороги».

— Вот почему старая колея исчезает, — сказал Астен. — Деньги на молчание записаны как дорожные работы. На бумаге служба чинит путь. На деле платит людям, переставляет столбы и разбирает мосты.

— Карта видит расходы и решает, что новая дорога надёжнее.

— Не карта решает. Решения людей создают будущее, которое она показывает.

С востока ударил колокол. В селении ему ответил второй, хриплый. Люди выходили из домов и смотрели на старую дорогу.

Астен закрыл книжку. Они нашли Савера, вышли к верхнему лугу и получили хозяйственное доказательство выплат. Но футляр и основной журнал остались под корнем у ручья, по другую сторону приставов.

Первая дорога не вела в никуда. Её заставляли вести туда на картах, в счетах и в человеческих рассказах. Теперь предстояло вернуться по ней и доказать это, не потеряв всё, что они уже знали.

Глава 7. Карта лжёт одинаково

Колокол ударил в третий раз, когда первые приставы вышли из штольни.

Их было четверо. Впереди шёл тот самый старший с вежливым голосом, обещавший отпустить Астена на запад. На рассвете его лицо оказалось молодым и усталым. Он увидел селян, сбегавшихся к общинному дому, и остановился у края луга. Остальные рассыпались за его спиной, будто пришли не за тремя беглецами, а занять переправу.

Женщина в сером платке заслонила Савера.

— Это Руда Вельма, — тихо сказал мальчик. — Моя мать.

Тая вздрогнула. Астен успел заметить это, но не повторил имя. Сходство с буквами на её медном знаке ничего ещё не доказывало.

— Госпожа Вельма, — позвал старший пристав. — Ваш сын унёс служебные бумаги. Верните их, и мы уйдём без обыска.

Руда положила ладонь Саверу на плечо.

— Вы ночью за мальчиком по старой штольне лезли ради двух расписок?

— Ради княжеской собственности.

— Значит, собственность ваша, а долг мой?

Люди у общинного дома заговорили. Не громко, но приставы отступили ближе друг к другу. Астен насчитал двадцать три взрослых, ещё несколько смотрели из-за изгородей. У половины на одежде была красная рудничная пыль. Никакой пустоты. Живое селение, стадо на дальнем склоне, огороды, два водяных колеса ниже по ручью.

Он вынул чистый лист.

— Не сейчас, — сказала Тая.

— Именно сейчас. Если нас уведут, останутся записи.

— У кого?

Астен огляделся. Передавать журнал первому встречному после ночной погони было глупо. Оставлять единственный лист при себе — ещё глупее.

Из общинного дома вышла высокая старуха с деревянной птицей в руках. Флюгер с крыши был лишь её грубой копией. Настоящая птица оказалась маленькой, потемневшей от масла, с длинным железным клювом и медной полосой на крыле.

— Картограф, — сказала старуха. — Если рисовать пришёл, входи. Если считать нас для службы — стой там.

— Я пришёл проверить, почему вас нет на картах.

— Нас на них нет?

Люди опять заговорили. Теперь громче. Руда обернулась к старухе:

— Бабушка Иста, сначала пусть приставы уйдут.

— Они дорогу найдут?

Кто-то рассмеялся. Старший пристав покраснел.

— Я обязан забрать похищенное.

Савер достал свёрток. Руда перехватила его руку.

— Это наши обязательства?

— Моё и твоё.

— Тогда не похищенное. Моё.

— На листах княжеская печать, — сказал пристав.

— На моей шее тоже княжеская земля. Заберёте вместе с головой?

Смеха не было. Люди двинулись ближе. Старший пристав посмотрел на лица, на вилы у изгороди, на колокол под навесом и сделал разумный выбор.

— До полудня бумаги должны быть на станции. Иначе обязательства перейдут в красный разряд.

— А что это значит? — спросил Астен.

Пристав будто не услышал.

— Господин Крайч предупреждал вас не идти дальше первой станции.

— Вы сами только что подтвердили, что верхний луг существует и связан со станцией обязательствами.

— Я подтвердил долг двух людей.

— При двадцати свидетелях назвали место.

Пристав оглянулся. Один из его людей смотрел на ручей, другой — на дома. Они все слышали название, но ни один не повторил его.

— До полудня, — сказал старший и повёл отряд обратно к штольне.

— Там обвал, — крикнул Савер. — По дороге быстрее.

Приставы не свернули. Они предпочли ползти по тёмному руднику, лишь бы не пройти через селение по дороге, которую официально исправляли.

Иста проводила их взглядом и подняла деревянную птицу.

— Теперь входи, картограф. Посмотрим, чего у тебя нет.

Общинный дом внутри оказался таким, каким его описала Тая: печь слева, длинная лавка справа. На дальней стене висели пастушьи рожки, связки ключей и три деревянные лопаты для снега. Сосновый ларец стоял под окном. На его крышке была вырезана такая же длинноклювая птица.

Тая остановилась на пороге.

— За печью должен быть узкий лаз, — сказала она. — Для дров зимой.

Иста посмотрела на неё внимательнее.

— Был. Мы заложили его пять лет назад. Дым тянуло.

— А над лавкой висел синий пояс.

— Праздничный. Истлел.

— Я его трогала?

— Откуда мне знать, что ты трогала?

Старуха говорила без враждебности, но и без узнавания. Тая села у края лавки. Астен не стал задавать вопрос, который напрашивался. Если Иста не помнила Таю, подсказка могла лишь вырастить удобное ложное прошлое.

Селяне заполнили дом и теснились снаружи. Руда посадила Савера возле печи, промыла ему щёку и только потом забрала расписки. Приходную книжку мальчик не потребовал обратно.

— Показывай карту, — велела Иста.

Астен развернул западный лист, которым почти не пользовался после заставы. Восточный оставался спрятан у ручья. На листе были Лисий Брод, тракт, станция и светлая полоса дальше. Ручей начинался возле края бумаги, делал лишнюю петлю и исчезал в белом месте.

Руда наклонилась над столом.

— Ручей не так течёт.

— Нарисуйте отдельно, не поверх моего.

Он раздал уголь и обрывки бумаги пятерым людям. Больше чистых листов не было. Иста принесла из ларца старые счета, позволила использовать пустые обороты. Астен рассадил свидетелей так, чтобы они не видели чужих рук.

— Каждый рисует только то, что сам проходил за последний месяц. Не название, если оно не вспоминается. Дома, воду, склон, дорогу, время пути. Не договаривайтесь.

— Мы тут живём, — возмутился седой пастух. — Чего нам не помнить?

— Именно это и проверим.

Пастух сел у окна. Руда осталась возле печи. Иста рисовала на ларе, прижав бумагу деревянной птицей. Савер устроился на полу. Пятой стала молчаливая женщина с обожжёнными ладонями — хозяйка нижней мельницы.

Тая подошла к двери.

— А я?

— Вы рисовали подход ночью и описали дом до того, как его увидели. Сейчас ваше воспоминание слишком важно, чтобы смешивать его с местными картами.

— Значит, снова ждать.

— Значит, быть шестым независимым источником.

Она ничего не ответила и вышла.

Астен поставил семилетник в середине стола, но не открывал. Сначала нужны были человеческие листы.

Руда закончила первой. Она нарисовала ручей, два моста, дом, своё поле и дорогу к станции. У дороги не было прямого выхода на запад: она огибала холм и соединялась со старой колеёй ниже рудника.

Савер показал короткий путь через штольню, пастушью тропу и место обвала. Иста отметила три старых рудника, зимний лесной путь и кладбище на южном склоне. Пастух нарисовал выпасы и изгороди, но пропустил нижнюю мельницу. Мельничиха изобразила плотину, отводной желоб, дом и дорогу для телег; зато на месте общинного дома оставила пустоту.

— Вы сейчас в нём сидите, — сказал Савер.

— Знаю.

— Тогда почему не нарисовали?

Женщина посмотрела на лист так, словно увидела его впервые.

— Не понадобился.

— Вы провели дорогу сквозь стену.

Она потёрла обожжённые ладони.

— Дорога идёт к верхнему мосту.

— Верхний мост в другой стороне, — вмешался пастух.

— Не подсказывайте, — остановил его Астен.

Он собрал листы и положил рядом. Различия были естественными: каждый человек преувеличивал знакомое расстояние, выпрямлял частые пути, забывал неудобные повороты. Но посреди всех пяти рисунков лежало одно и то же белое пятно — длинный участок между ручьём и северной опушкой.

На карте Руды дорога раздваивалась перед пустотой и сходилась после неё. У Савера штольня обрывалась, продолжаясь уже с другой стороны. Иста провела границу выпаса вокруг чистого места, словно огородила невидимое поле. Пастух разделил стада на западное и восточное, но не соединил тропы. У мельничихи отводной желоб исчезал в пустоте и возникал ниже по склону.

— Что там? — спросил Астен.

Все пятеро посмотрели на листы.

— Березняк, — сказала Руда.

— Камни, — одновременно произнёс пастух.

— Старый отвал, — сказала мельничиха.

Иста промолчала.

— Я ходил там вчера, — Савер ткнул пальцем в пустое место. — Там двор Клина. Он точит жернова.

— Клин умер, — ответила Руда.

— Я видел его.

— Ты видел племянника.

— У него нет племянника.

Каждый говорил уверенно. Чем дольше они спорили, тем больше появлялось подробностей. В березняке Руды росло дерево с раздвоенным стволом. На камнях пастуха сушили овечьи шкуры. У отвала мельничихи лежало сломанное колесо. Ни одна деталь не совпадала с другой.

— Перестаньте, — сказала Иста.

Все умолкли.

— Что вы там видели? — спросил Астен.

Старуха подняла деревянную птицу. На медном крыле проступили мелкие деления.

— Этой штукой мерили воду. Ставили клюв по течению и смотрели, до какой зарубки поднимется крыло. Мой отец носил её к северному желобу каждую весну.

— Что находится у желоба?

— Если бы помнила, нарисовала бы.

Иста не стала заполнять пустоту догадкой. Это было первое честное описание места.

Астен вышел за Таей. Она стояла у ларя под навесом и перебирала медные доли выпаса. На каждой был знак участка. Девять долей несли пересечённую черту, ту же, что в приходной книжке.

— Нужны ваши отдельные наблюдения, — сказал он. — Пройдите от общинного дома на север. Ничего не спрашивайте. Запишите шаги и то, к чему прикасаетесь.

— Там моё прошлое?

— Там одинаковая пустота на пяти разных картах.

— Они сговорились?

— Если да, то забыли, о чём именно.

Тая взяла половину сломанного посоха и пошла через двор. Астен выбрал другой путь — вдоль ручья. Савер увязался за ним.

— Ты останешься с матерью.

— Я здесь лучше вас знаю.

— Поэтому и останешься. Мне нужен человек, который не будет вести меня к привычному ответу.

Мальчик нахмурился, но подчинился.

Астен пошёл один. От общинного дома ручей сворачивал к северу. Через сто сорок шагов дорогу пересекал деревянный желоб. Вода в нём была, хотя оба конца заросли травой. Астен опустил в поток щепку. Она прошла под кустами и исчезла. Ниже по склону вода не появилась.

Он записал длину, уклон и скорость. Потом заметил на земле белую пыль. Не рудничную, красную, а известковую. След тянулся поперёк тропы к зарослям орешника.

За кустами стояла стена.

Астен увидел её только с двух шагов. Серый камень сливался с отвалом, крыша была покрыта дёрном. В стене — широкие ворота, заваленные свежесрубленными ветвями. Кто-то старательно делал строение похожим на склон.

На косяке сохранились борозды от тележных осей. Из щели пахло мокрым зерном и известью.

Он не стал входить. Сначала обошёл строение. С востока к нему подходил желоб, с запада выходила засыпанная канава. На северной стене виднелись семь окон, заложенных камнем разного цвета. Возле угла лежал жернов без центрального отверстия — заготовка, а не сломанное колесо.

Берёзы тоже были. Три дерева росли у ворот, одно раздваивалось. Каждый из местных назвал часть видимого, но соединить части не смог.

Тая появилась с другой стороны. Она остановилась, увидев Астена.

— Вы прошли через пустоту?

— Обошёл строение вдоль ручья.

— Какое строение?

Он указал. Тая смотрела прямо на стену и не понимала.

— Подойдите. Не слушайте меня. Потрогайте.

Она сделала несколько шагов, вытянула руку и коснулась камня. Пальцы легли на шов кладки. Тая отдернула ладонь.

— Я видела склон.

— А теперь?

— Стена. Ворота. Семь окон.

— Я насчитал семь.

Они независимо обошли строение в разные стороны и встретились у ворот. Тая нашла под ветвями железное кольцо. Астен — свежие следы сапог и узких колёс. Замка не было, только деревянный засов снаружи.

— Если открыть, мы изменим место, — сказала Тая.

— Оно уже меняется. Ветви срублены вчера или сегодня.

— Приставы?

— Не знаем.

Они сняли засов. Ворота открылись внутрь без скрипа. За ними был длинный зал, разделённый столбами. На полу стояли мешки, бочки и связки досочек. Свет проникал через щели в заложённых окнах.

Тая подняла ближайшую досочку. На ней была нарисована пересечённая черта и написано число двенадцать.

— Медные доли? — спросила она.

— Или мера груза.

Вдоль стены тянулись полки. На них лежали карты.

Не старые листы, забытые прежним хозяином. Свежие, одинакового размера, перевязанные служебной синей тесьмой. Астен снял верхнюю пачку. На первом листе стояла печать княжеской чертёжной. На втором — знак палаты Ладожиных. На третьем — клеймо дорожного приказа. На четвёртом — печать сборщика пошлин.

Четыре разных учреждения. Четыре картографа. Четыре одинаковых белых пятна.

Астен разложил карты на мешках. Совпадали не только очертания пустоты. Одинаково изгибался ручей, делал невозможную петлю и терял воду. Одинаково расходилась дорога. Даже маленькая ошибка возле южного склона — лишний холм, которого не было, — повторялась на всех листах.

— Независимые карты так не ошибаются, — сказал он.

— Их списали с одной.

— Печати поставлены в разные годы. Самой старой шесть лет, новой три месяца.

— Значит, шесть лет списывают.

Астен поднял лист к свету. На полях были рабочие точки: засечки, расчёты расстояний, пометы о погоде. Картограф действительно ходил по местности. На карте дорожного приказа точки стояли в иных местах. Сборщик пошлин измерял расстояния тележным колесом. Люди работали разными способами, но приносили одну ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.